

Б. Ф. Скиннер

РОССИЯ, 1961

Собственная вводная заметка Б. Ф. Скиннера на первой странице документа

В мае 1961 года делегация ученых в области поведенческих наук посетила Россию, Чехословакию, Польшу. Поездку финансировали Национальная академия наук и Государственный департамент США. В составе группы были: профессор Дональд Дж. Маркис с женой, профессор Роберт К. Мертон, профессор Джеймс Дж. Миллер с женой, профессор Джордж П. Мёрдок с женой, доктор Фрэнсис Х. Палмер с женой, профессор Анатолий Рапопорт, доктор Генри У. Рикен, профессор Б. Ф. Скиннер с женой, доктор Ральф У. Тайлер с женой, доктор Рэймонд У. Ваггонер. Нижеследующие заметки были сделаны, когда это было удобно, на портативный диктофон. Когда я диктовал, со мной часто была жена и уточняла детали. Было внесено несколько изменений, чтобы упорядочить материал, а в некоторых случаях были убраны совершенные по невнимательности повторения. Во всем остальном запись осталась такой, как была. Она была сделана исключительно по личным соображениям и содержит банальности, неуместные замечания, первые впечатления, которые могли меняться, некоторые довольно стандартные реакции новых приезжих на Россию, а также (надеюсь) несколько свежих оценок и реакций. Запись была скопирована для ограниченного пользования членами делегации и друзьями. Копирование запрещено ¹.

Мы прибыли в Айдлуайлд в три часа в среду 3 мая, на всякий случай готовые к плохой погоде и имея в запасе время на то, чтобы в случае необходимости сесть на поезд. В пять часов к нам присоединились Маркисы ² и немного позже Мёрдоки ³. Вскоре после этого, прибыли Палмеры ⁴ с плохими новостями: русское посольство в Вашингтоне закрылось в пять часов, так и не приняв к рассмотрению наши визы. Джим Миллер ⁵ позвонил друзьям в Америке и в американском посольстве в Москве, надеясь на продвижение дел завтра. Посоветовавшись, мы решили, что, если позволит Фонд Форда, мы предпочтем ждать свои визы в Лондоне или в другом месте ближе к

России. Мы отправились с Маркисами (и с Джулией, которая прибыла в аэропорт проводить нас) на Манхэттен, где смотрели на Зеро Мостела в спектакле «Носорог». Мы провели прекрасный четверг в Нью-Йорке и вернулись в Айдлуайлд вечером. Фонд Форда согласился с тем, что мы проведем месяц где-нибудь в Европе – в России, если они позволят, в противном случае в лабораториях и антропологических и социологических исследовательских базах в других странах, скажем, в Швеции, Польше, Чехословакии, Германии, Франции и Англии. Пока я диктую это, мы прошли регистрацию на рейс «Пан-Американ» этим вечером, хотя наши паспорта еще не пришли из Вашинг-

¹ Публикация разрешена Фондом Б. Ф. Скиннера. (Здесь и далее примечания редактора перевода.)

² Дональд Маркис (Donald G. Marquis) (1908–1973) получил степень доктора философии в психологии (эквивалентна степени кандидата наук в России) в Йельском университете. Президент Американской психологической ассоциации в 1948 г. Кроме того, он был председателем отдела социальных наук в комитете по исследованиям Фонда Форда (который финансировал поездку в Россию).

³ Джордж Мёрдок (George P. Murdock) (1897–1985) считался самым влиятельным антропологом в области кросс-культурного анализа. Специализировался на сравнительной этнологии, этнографии и социальной теории. Более 30 лет был профессором в Йеле.

⁴ Фрэнсис Палмер (Francis H. Palmer) – специалист по языку и детскому образованию.

⁵ Джеймс Миллер (James G. Miller) (1916–2002) изучал психологию и медицину в Гарварде. В 1958 и 1959 гг. президент отделения клинической психологии Американской психологической ассоциации. Более 30 лет был редактором журнала «Поведенческая наука» («Behavioral Science»).

тона. Хэнк Рикен⁶ оставался наготове в Вашингтоне, а Джим отправился туда прошлой ночью, чтобы оказать любое давление, какое только возможно.

Ранним утром в пятницу, 5 мая, в аэропорту Лондона ждем таможи. Джим энергично и хорошо поработал вчера в Вашингтоне, и появился в аэропорту в 6.30 с паспортами, но без виз. Он пытается получить наши визы здесь в Лондоне (за полтора часа) перед запланированным полетом в Москву, но, по-видимому, надежды на то, что мы отбудем сегодня, мало.

Суббота, 6 мая, 5.30 утра в *Mount Royal Hotel* в Лондоне. Джим и Анатолий⁷ провели вчера неудачный день в посольстве, но в 4.30 Анатолию позвонили и пригласили прийти снова. Исходя из этого, Фрэнк Палмер отправился в офис KLM⁸ забронировать места на ранний утренний рейс. К 5.30 он вернулся с билетами в Москву, а в 6.30 Джим и Анатолий появились с нашими паспортами, превосходно проштампованными русскими визами. Это событие было отмечено в баре *Mount Royal* и обедом в *Coq d'Or* на Пикадилли, где мы проверили теорию Мертона⁹ (что официанты и метрдотели здесь для того, чтобы обслуживать тебя, и должны быть способны дать каждому его счет). Ресторан пришел в волнение, и мы отозвали просьбу, но в конечном счете выяснили, что они решили эту задачу, разработав схему стола с небольшими *дополнениями* в нужных местах. Затем минут 20 был просто сумасшедший дом, в конце которого мы выяснили, что Фрэнк Палмера, платившего за всех, видимо, обсчитали. К тому

времени, как переговоры были закончены, большинство из нас испарилось. Мы встали рано этим утром, чтобы успеть на рейс KLM в восемь часов в Амстердам, а оттуда, после небольшого ожидания, в Москву.

9.30 вечера, суббота, 6 мая. Мы только что прибыли в гостиницу «Советская». KLM доставила нас в Амстердам по расписанию, так что у нас было время для поездки на такси и лодочного тура по каналам. В Москву мы прибыли этим вечером.

У самолета нас встретили Лурия и Леонтьев и провели в изумительный зал в аэропорту, где мы непринужденно сидели и обсуждали планы. Комната, должно быть, имела 25-футовый потолок, а пол был полностью покрыт от стены до стены рядом восточных ковров, возможно машинного изготовления, скрепленных по краям. Там была 10-футовая люстра из фаянса, хрусталя и золота. Буклет на столе был скорее объяснением для непосвященных, с чем они встретятся, путешествуя по воздуху, чем рекламой Аэрофлота. Он напомнил нам русскую кулинарную книгу, виденную Евой в Кембридже, которая была большей частью демонстрацией того, как можно прекрасно приготовить еду.

Лурия узнал о нашем прибытии всего за два часа, но уже спланировал в общих чертах целую неделю мероприятий. После долгого и приятного обсуждения нам сказали, что наш багаж пропустят без досмотра и что машины ждут, чтобы доставить нас в Москву. Это были три лимузина – ЗиМы, похожие на хорошие американские машины десятилетней давности. Мы с комфортом ехали по прямому шоссе в Москву. Лурия объяснял, что тех бедных домов, которые мы видели вдоль дороги, не будет буквально через несколько лет, но что сейчас они уютны и теплы зимой. Несомненно, были видны свидетельства массового строительства, включая возводящиеся на протяжении миль жилые дома. Мы проезжали мимо автобусов и троллейбусов, которые в это время вечера (закат только наступал) были заполнены людьми, возвращающимися домой. Очевидно, Лурия был горячим сторонником существующего режима и получал удовольствие, в хорошем смысле, напоминая нам о нашей неадекватности. Например, он отметил факт, что его и Соколова багаж тщательно обыскали на американской таможне, в то время как нам разрешили пройти, не

⁶ Генри Рикен (Henry W. Riecken) был профессором в университетах Гарварда, Миннесоты и Пенсильвании. Вместе с Л. Фестингером и С. Шахтером был автором классического труда в области социальной психологии 1956 г. «Когда пророчество не сбывается» (“When Prophecy Fails”).

⁷ Анатолий Борисович Рапопорт (Anatol Rapoport) родился в России в 1911 г. В 1922 г. уехал в США. Учился в Чикагском университете. Внес значительный вклад в развитие математической биологии, математической теории социального взаимодействия, теории игр, а также общей теории систем.

⁸ KLM – «Королевские Нидерландские Авиалинии».

⁹ Роберт Мертон (Robert K. Merton) (1910–2003) – один из самых известных американских социологов XX века, сторонник структурного функционализма, один из пионеров в области социологии науки. В 1957 году Мертона избрали президентом Американской социологической ассоциации

открывая сумок. Он поздравил нас с первым астронавтом¹⁰, но упомянул его «довольно короткое путешествие». Тем не менее атмосфера беседы была абсолютно дружеской и теплой.

Отель большой, тихий, богато украшенный и довольно претенциозный. В нашей ванной комнате, к примеру, была ванна старого стиля с белой плиткой вокруг нее, придающей современный оттенок. Там находилась подогреваемая вешалка для полотенец в английском стиле и соответствующие удобства, включая ручной душ в дополнение к обычному. В нашем номере есть прихожая, отделенная двойной дверью, и спальня, которую можно закрыть большими бархатными занавесками. В небольшом шкафу со стеклянными дверцами много керамических фигурок и ваз. На стене большая реалистичная картина сирени в предымпрессионистском стиле, но по крайней мере это настоящая картина маслом, не печатная. Что бы ни подумали об интерьере, все выглядит превосходно, довольно роскошно и демонстрирует интерес к чему-то еще помимо самого необходимого. Одним словом, мы впечатлены.

Мы встретились в вестибюле около 9.30 этим вечером и были приглашены в особую столовую, где для нас был приготовлен длинный стол. Там был еще один длинный стол с компанией в 15 человек и две или три компании поменьше. Фактически это помещение вроде балкона, возвышающегося над очень большой столовой, в которой люди весело обедали в этот час. Один из участников нашей группы заметил на уровне нашего балкона очень незаметно расположенный за занавеской портрет маслом Сталина – перемещенный, но еще не убранный. Вскоре после того как мы прибыли, джаз-оркестр начал играть настоящий американский джаз, и были танцы. Люди были молодые, хорошо одетые и мило выглядящие. Наш обед начался с разнообразных холодных закусок, включая осетра, ростбиф, ветчину и холодные овощи. Затем был бефстроганов и картофель фри. Мы начали с тоста с водкой и продолжили с красным и белым игристым вином, чем-то вроде безалкогольного на-

питка с апельсиновым ароматом, и пивом. Для тех, кто хотел, было мороженое, и большие чашки черного кофе. Мы закончили примерно в 11.30. Персонал был любезнейшим. Все улыбаются и высоко ценят наши попытки говорить по-русски. Лифтер тщательно объяснил Еве, как произносить номера этажей. До сих пор все стараются изо всех сил, чтобы сделать наш визит приятным и полезным.

Воскресенье, 7 мая, конец длинного дня. Мы проспали до девяти часов этим утром, присоединились к некоторым из остальных для завтрака, который, как было решено этой ночью, состоял из сырного омлета с тостом, черного кофе и не поддающегося описанию, но довольно хорошего яблочно-виноградного сока. Обслуживание было очень медленным. После завтрака к нам присоединился Лурия, гид от Академии наук, отведенный нам на время нашего пребывания в Москве, Юрий Бурилков, и очаровательный молодой психолог, Ольга Виноградова, ассистент Соколова. В Москве – эпидемия гриппа, и, стоя на ступеньках гостиницы «Советская», мы приняли вакцину, предоставленную Лурией. Она представляла собой желтый порошок, который нужно было положить на обратную сторону кисти и втянуть как нюхательный табак. Затем мы отправились на такси, на этот раз на небольших волгах, к гостинице «Метрополь», где можно было приобрести рубли и марки. Улицы были заполнены воскресными покупателями и туристами. Все магазины открыты. Люди, отчасти русские туристы, но в большинстве жители Москвы, были одеты в довольно трудную для описания, но вообще удобную и привлекательную одежду.

Перед «Метрополем», где мы ждали, пока наша группа соберется, к нам подошли мальчики и показали разного рода значки. Говоря несколько фраз на английском, они попросили жевательную резинку, карандаши, ручки и американские монетки для своих коллекций. Оказалось, что они не запрашивали, а предлагали обмен на эмалированные значки. Я неправильно понял их, и дал одному мальчику три пластинки жвачки, оставшейся в моем кармане с самолета. Он отошел разглядеть, что я ему дал, и затем совершенно честно вернулся и вручил мне значок. Все мальчики вели себя очень воспитанно. Позже, когда Ева сказала мальчику, что ей нечего ему дать, он подошел,

¹⁰ Имеется в виду Алан Шепард, первый американец, который совершил суборбитальный космический полет (примерно через месяц после Юрия Гагарина).

приколол значок на ее лацкан, сказал «сувенир» и ушел.

Сначала мы пошли в Кремль. Он очень светлый и эффектный, итальянской и византийской архитектуры, и очаровательный. Он был переполнен людьми. Мы посетили несколько церквей. Лурия особенно заинтересован в религиозном искусстве и разъяснял хорошее и плохое. Он показал нам гробницы царей и места, где царь и священник и Иван Грозный сидел во время приема. Мы видели смену караула в мавзолее Ленина (и Сталина) и начало потока людей, которые посещали его. Это заняло бы слишком много времени, если бы мы присоединились к ним. Все были дружелюбны и непринужденны и, видимо, проводили время хорошо, но спокойно. Один или два раза мы привлекали внимание нашим смехом. Дети были хорошо воспитаны, хорошо одеты и абсолютно очаровательны. Детям уделяется большое внимание. В Москве есть огромное здание только для детей, называемое «Детский Мир»; там есть детский театр, и одно из представлений, которое мы запланировали посмотреть на этой неделе, – это кукольное представление, которое, я полагаю, предназначалось главным образом для детей. В метро я видел, как мужчина встал и уступил место шестилетней девочке. (Также молодой человек, сидевший рядом с девочкой, встал и уступил место Еве. Это случилось с ней впервые за 20 лет.)

Из Кремля мы отправились в место, называемое «Агрокультурная и индустриальная выставка», 700 сотен акров земли, больше всего похожее на самостоятельный мир или на ярмарку штата. Павильоны представляют каждую из советских республик. Мы посетили узбекский павильон – очень азиатский, но все же полный вызывающих чувство гордости достижений. Там находилась точная копия целого хлопкового поля и примеры хлопкоперерабатывающего оборудования, произведенного в Узбекистане. У них также есть шелковые производства, и там были образцы их шелковых тканей. Все настаивают, чтобы мы съездили в Ташкент и Самарканд. Мы также посетили павильон Академии наук, где видели модели всех спутников. На входе был большой портрет Юрия Гагарина. Попутно мы смогли купить почтовые марки, прославляющие полет Гагарина. В павильоне Академии наук мы посмотрели короткий фильм о трени-

ровках космонавтов. Диктор говорил на превосходном американском. Несмотря на то, что Лурия настаивал, что это русский, говорящий на хорошем английском, мы были убеждены, что это, должно быть, американский голос. У нас был поздний послеполуденный обед в ресторане на Выставке. Это была еще одна комната высотой 20 футов, наполненная людьми со всех частей России, наслаждающихся едой. Они, очевидно, были из высших слоев общества, представители низшего класса покупали сосиски и мороженое у продавцов по всей территории Выставки. Мы отведали превосходный борщ, за которым шли котлеты по-киевски (куриное мясо, которое отбили до плоского состояния, заполнили маслом, затем свернули и запечатали и зажарили во фритюре) с жареной картошкой. (Когда вы разрезаете котлету по-киевски, есть опасность, что вы брызнете себе в глаз растопленным маслом.) Ближе к концу трапезы появился оркестр и начал играть американский джаз, один из самых беспорядочных и хриплых, что я когда-либо слышал. Лурия был расстроен. Было много фальшивых нот. Они играли много старых хитов, включая «I Can't Give You Anything but Love, Baby», «On the Sunny Side of the Street» и «The Saints Go Marching In». Когда они играли последнюю песню, мы уходили¹¹.

По всей территории Выставки находятся торговые автоматы, которые продают напитки. В каждом стоит обычный стакан. Закончив пить, вы переворачиваете стакан над небольшим отверстием. При нажатии на стакан выпускается струя очищающей его воды. Следующий покупатель берет стакан, ставит на место, кидает монетку и выпивает налитый напиток. Затем он возвращает стакан в мойку. Я видел, как один мальчик пьет воду, нажимая на область для очистки пальцем и лоя струю в стакан.

Мы возвращались на знаменитом метро, и оно действительно должно быть знаменитым. Оно безупречно. Там нет никакого мусора. Отделка местами довольно пестрая, но в других местах выполнена с великолепным вкусом и очень роскошная. Эскалатор, идущий в метро возле Выставки, – самый длинный, на котором я когда-либо был. Кажется, он идет вниз на сотни футов. Скорость

¹¹ Игра слов: «The Saints Go Marching In» / We were marching out (примеч. пер.).

была примерно в два раза больше, чем на американских эскалаторах. Нужно было запрыгивать и спрыгивать с большим проворством, но русские, похоже, этим наслаждаются. Это, безусловно, была бодрящая поездка. Было две пересадки, прежде чем мы добрались до гостиницы, но каждый раз мы проходили через красивые и безукоризненно чистые станции. Не было толчеи, несмотря на тот факт, что перевозились гигантские толпы. Стоимость проезда – пять копеек. Когда я отметил, как чисто было в метро, Лурия ответил, что когда оно было впервые открыто, оно было столь красивым, что никто не мог подумать о том, чтобы загрязнять его, разбрасывая клочки бумаги, что это продолжается с тех пор и что никогда не было необходимости в контроле. Случайно, похоже, был день уборки. Мы видели, как женщина, едущая на эскалаторе, чистила стенку по дороге.

В некоторых комнатах в нашей гостинице есть телевизор, но в нашей – только радио. Переключателя станций нет. Вы просто включаете громкость, когда хотите послушать. Дважды мы слышали политические речи, были и новостные сообщения. Секунду назад мы включили его и попали на Чайковского. По возвращении этой ночью нам сказали, что нужно было оставить ключ у горничной в холле. Дежурит как минимум одна горничная на этаже, часто две или три. Так как мы не оставили ключ, они не смогли убрать постели и прибрать нашу комнату. Очевидно, у них нет другого ключа (это будет новостью для министерства иностранных дел, которое предупреждало нас не оставлять письменные материалы в комнатах, если мы не хотим, чтобы их прочитали.)

Было бы нечестно назвать Москву красивым городом. Тут нет больших верениц изумительных зданий или деревьев. Все чисто и хорошо содержится, но далеко не замечательное, даже «поношенное». Можно подозревать, что кто-то просто выделил необходимое количество денег для сохранения зданий в чем-то вроде статуса кво. Тут есть, конечно, прекрасные места вокруг Кремля, но это «вышедший из моды режим». Тем не менее, хотя нет физической красоты, есть, очевидно, огромная забота о благополучии людей, а на милые лица на улице приятно смотреть.

Вечер понедельника, 8 мая. Это был длинный день. У нас был ранний завтрак,

затем мы ждали, пока Джим Миллер и Юрий Бурилков разрабатывали планы на остальное время нашего пребывания в России. Мы планируем отправиться в Ленинград в субботу ночью, после кукольного представления, чтобы провести воскресенье в Ленинграде. Возможно, мы доберемся до Ташкента и Самарканда, хотя с профессиональной точки зрения причин для этого мало. Утро мы провели в Институте дефектологии, который Лурия возглавлял год или два назад. Мы видели энцефалографические работы с умственно отсталыми и глухими детьми; мы видели приспособления, помогающие слепым читать нормальные тексты, и прибор, который выглядит как фонарик, но преобразует свет в разнотональный звук, чтобы помочь слепым ориентироваться в пространстве. Самая восхитительная часть утра была посвящена девочке примерно семнадцати лет, которая была глухой и слепой с рождения. Попыток научить ее говорить не было, но она работает на печатной машинке как со шрифтом Брайля, так и с обычными символами. Она получала сигналы через ладонь руки и отвечала на языке знаков, которые читал ее учитель. Она была довольно привлекательная и с очаровательными манерами. Но Боб Мертон видел ее до того, как ее привели для показа, и он сказал, что она проявляла признаки абсолютной паники. Она печатала пылкие сообщения учителю, склоняясь, чтобы поцеловать его руку и так далее. Однако, когда она вошла в нашу комнату, она проявляла существенное самообладание и очарование. Она пожимала плечами в ответ на вопрос и улыбалась. Также она краснела. Нам сказали, что всем жестам ее научили, хотя я сомневаюсь в этом. Нам показали ряд аккуратных домиков и других предметов, которые она слепила из глины. Я спросил о том, как она научилась уменьшать масштаб дома, в котором жила, до шестидюймовой модели, но не получил удовлетворительного ответа. Сказали, что она изучала дом на ощупь, хотя я не могу представить ее карабкающейся по стенам и крыше. Модель была правильных пропорций и наводила на мысль, что у нее был опыт восприятия моделей зданий, хотя косвенно это отрицалось.

Мы вернулись в нашу гостиницу, чтобы по-быстрому перекусить, а затем нас принимал вице-президент Академии педагогических наук, Леонтьев. Леонтьев – жизнера-

достный, очаровательный мужчина, плохо говорил по-английски и решил говорить на русском. Ева называет его «безобразный очаровательный мужчина». Он отвечал на вопросы с отличным знанием дела и гордостью, защищая советский образ жизни. Например, мы спросили его, как он впервые познакомился с областью, которую он представлял, и он ответил, что в России все индивидуалисты и что можно предоставить планы, обычно на год вперед, и обычно даются деньги на их осуществление. Мы сидели вокруг длинного зеленого стола в Академии и угощались чаем и пирожными и восхитительными шоколадными конфетами, завернутыми в фольгу. (Позже я купил несколько таких конфет и обнаружил, что они стоят около 15 центов за штуку.) Это не был прием в обычном смысле слова, так что все беспокойство дам по поводу того, что надеть, кончилось ничем. Единственным присутствовавшим членом Академии был вице-президент.

После приема нас отвезли в Музей Пушкина, где мы в первую очередь увидели выставку карикатур, сделанных датским художником, многие из них были злыми нападениями на Дядю Сэма и на все американские и западноевропейские вещи. Я склонен думать, что предполагалось, что мы не увидим их; по крайней мере, был дан внушительный совет, чтобы мы оставались в группе, которую вел Бурилков. Однако мы отделились и перемещались свободно. Относительно поздно мы обнаружили, что там было великолепное собрание живописи французских импрессионистов и скульптур, связанных с ними, много знаменитых работ Пикассо, Ренуара, Моне и некоторые превосходные работы, репродукций которых мы не видели. Также мы видели несколько очень хороших голландских картин, включая замечательные работы Рембрандта. Лурия присоединился к нам и спросил, найдется ли у меня несколько минут, чтобы поговорить с ним о профессиональных делах. Я предложил ему вернуться с нами в гостиницу и выпить. Вместо этого он позвонил жене и договорился о нашем приходе к нему домой. Мы провели еще полчаса, осматривая картины, пока его жена, скорее всего, готовилась к нашему приходу. Затем мы пошли с ним в сторону его дома, где были встречены его очень прелестной дочерью, биологом 22 лет. Лурия, по-видимому,

хорошо оплачиваемый ученый. У него есть дача и своя машина. Он живет, однако, в жалком многоквартирном строении, которое, по его словам, он предпочел потому, что оно находится близко к большой библиотеке и его лаборатории. Он отметил, что ему повезло, потому что у него три комнаты. Однако мы обнаружили, что его дочь и ее муж живут с ним, как, очевидно, и пожилая женщина, должно быть, мать Лурии или миссис Лурия. Гостиная была чистой и мило украшенной, полна мебели, включая несколько застекленных шкафов с прекрасными предметами искусства и стол его дочери, на котором был не только микроскоп, но и великое множество кукол. Он спросил, интересуемся ли мы восточным искусством, и принес несколько очень изящных китайских свитков и несколько современных китайских документов. Он подарил нам прекрасный том с репродукциями очень необычных религиозных фресок и икон Рублева, великого русского художника пятнадцатого века. Его дочь подарила нам еще книгу современного советского художника, Нестерова¹². Она посредственна, по нашим представлениям, но содержит отличный цветной портрет Павлова, которого я ценю. (Неизбежно возник вопрос, должны ли мы подарить им что-нибудь. У нас с собой было немного недорогих украшений и несколько пластиковых портфелей, которые выглядят слегка неуместно на фоне изумительных подарков, которые мы получили. Мы решили прислать его дочери и жене украшения и Лурии что-нибудь более ценное, когда вернемся в Кембридж.)

Лурия гордился тем фактом, что его дочь получает степень или в цитологии, или в гистологии, и публикует статьи. Она не произвела на нас впечатления высокоинтеллектуальной или даже чрезвычайно заинтересованной в науке девушки. Однако она очень интересовалась украшениями, которые были на Еве, включая браслет с орнаментом. В Америке она, наверное, была бы нормальной, простой, популярной молодой девушкой без интеллектуальных интересов,

¹² Михаил Васильевич Нестеров (1862–1942) – русский и советский живописец. Основатель Российского союза художников, он писал религиозные картины. После революции 1917 года он рисовал только пейзажи и портреты. Его портрет И. П. Павлова (1935) был одним из самых известных.

как раз выходящей замуж. Были некоторые предположения, что миссис Лурия тоже человек умственного труда, но она произвела на нас впечатление простой домохозяйки, чувствующей себя довольно неловко, подавая нам сладкое крымское вино с кофе и пирожными. У меня было впечатление, что этот ритуал нечасто происходит в семье Лурии. Тем не менее мы были весьма признательны им за оказанный нам любезный прием. Этот вид удовольствий, возможно, еще не является обычной частью советской жизни. Они неоднократно извинялись за состояние квартиры, хотя, насколько мы видели, она была совершенно чистой и прибранной.

Лурия предложил отправиться с нами в гостиницу на метро. Мы сказали, что доедем на такси, чтобы ему не ездить лишний раз, но он очень хотел показать нам еще одну станцию метро, и в конце концов мы разрешили ему и его дочери проводить нас на метро до пересадочной станции. Затем мы проехали несколько остановок с некоторым беспокойством, но вышли на нужной станции. Мы оказались среди гигантской толпы, которая только что вышла со спортивного стадиона. Там, наверно, были десятки тысяч молодых людей, большинство из них между 15 и 30 годами. Они хлынули в подземку по двум эскалаторам и снаружи заполнили несколько улиц, идущих во всех направлениях. Нам пришлось идти с ними в сторону нашей гостиницы.

В России такой стиль – делать рукава мужских пальто такой длины, что они почти закрывают костяшки пальцев рук. Это создает впечатление подержанного пальто или чего-то принятого от Армии Спасения. Ева прокомментировала, что, возможно, из-за этого мы выглядим так, будто выросли из нашей одежды. При воспоминании двух последних дней, мне приходит на ум, что легче рассказать, что ты видишь, чем понять то, что ты не видишь. Например, только после целого дня, проведенного на Выставке, после того как я видел сотни детей с родителями, мне пришло на ум, что я ни разу не слышал детского плача. Когда маленький мальчик пытался запрыгнуть на один из небольших пневмоколесных трамваев, которые возят тебя по территории, он упал и довольно больно ушибся, но не было ни слезинки, ни звука. Другая вещь, которую мы поздно обнаружили, состояла в том, что

не было велосипедов. Мы видели их очень мало. Очевидно, расстояния между домами рабочих и местами их работы слишком большие, чтобы велосипеды были подходящим способом передвижения. Другой момент: мы видели много сотен сооружаемых многоквартирных домов, но не видели строящихся частных домов, хотя нам говорили, что в некоторых районах их можно увидеть. Напротив гостиницы – многоквартирный дом, первый этаж которого все еще строится, хотя верхние этажи уже заселены. Основные способы перемещения – метро и сеть из множества автобусов и троллейбусов. Есть такси, но практически нет стоянок такси, и их невозможно поймать или вызвать по телефону. В основном они для туристов и обслуживают гостиницы. Водители не говорят по-английски и настолько не привычны к тем, кто не говорит на русском, что они пытаются добиться вашего понимания, повышая голос и повторяя что-либо другими словами.

Мы видели несколько групп школьников. На девочках были красивые костюмы, состоявшие из чего-то вроде джемпера поверх платьев слегка отличающихся цветов. На мальчиках была форма. Дети, проходящие по улице в группах, хорошо воспитаны, и это общее правило.

Наша комната довольно удобная. Есть канцелярские принадлежности, очень жесткая туалетная бумага, нет ожидаемой спускной пробки для раковины, довольно скудный набор полотенец, включая несколько очень грубых и не впитывающих воду ванных полотенец, зато есть превосходный набор вешалок для пальто и брюк. Подушки большие и квадратные, по две на кровать, и днем прикрыты розовыми шелковыми накидками.

Люди, которых мы видели в Музее, очевидно, были выше классом, чем те, которых мы видели на экспозиции, что не удивительно. Они, похоже, студенты, одеты хорошо, девушки с макияжем и на высоких каблуках. Они толпились возле антиамериканских карикатур.

Встреча с дочерью Лурии сегодня поднимает вопрос, действительно ли женщины равны в правах с мужчинами в советской культуре. Статуи и картины на выставке вчера представляли оба пола поровну. На каждого мужчину с киркой была девушка с тяпкой. Сегодня мы видели нескольких

женщин, занятых тем, что считается тяжелым трудом. Одна женщина красила дом, другая работала над асфальтовой мостовой. В институте было много женщин-ученых в белых халатах. Очевидно, это общепризнанная цель, и хотя кто-то может подозревать, что она еще не достигнута, кажется, что любая юная девушка, растущая в Москве, прекрасно чувствует, что мир открыт для нее и что она может выбрать любой путь, какой понравится. Наверное, это так же реально, как и заявленные российские цели: равенство, свобода, мир и так далее, которые выставляются как что-то, доступное всем русским. Реальны эти достижения сейчас или нет, но, по крайней мере, это полезные обещания для мотивации людей.

Среда, 10 мая. Разнообразные наблюдения. В метро неумолимо медленно шел по центру вагона, держа мятую шапку. Он опирался на трость, но у него не было никаких признаков рода занятий. Люди бросали маленькие монетки в шапку.

Очевидно, усадить гостя – это важная часть русского гостеприимства. Во время нескольких событий вчера мы набивались в маленькие кабинеты и предпочли бы остаться стоять во время обсуждения, но стулья были найдены и очень неловко принесены в комнату, и никто не начинал, пока мы все не сели.

Сидение на столе с трудом допускалось в качестве замены стула. Мы также провели немало времени, вставая и садясь, когда новые члены группы входили в комнату.

В Институте, где мы были вчера, я заметил, что все двери кабинетов были обиты внутри подкладкой из какого-то черного материала, выходящей далеко за края двери. По-видимому, они были для целей звукоизоляции, но меня не покидала параноидальная мысль о том, что, возможно, они здесь, чтобы предотвратить подслушивание.

Одно «негативное» наблюдение: абсолютно нигде не видно портретов Хрущёва. В Музее Пушкина было какое-то напечатанное приветствие, подписанное Хрущёвым, но русские, похоже, позабыли о портретах лидера. И Ленин, и Сталин находятся в Мавзолее в Кремле, статуи и портреты Ленина есть везде, и есть несколько статуй Сталина. Но Хрущёва не видно.

Вчера, в четверг, 9 мая, мы посетили лабораторию Смирнова в Институте психоло-

гии. Мы слушали сотрудника, который рассказывал о программе Института, и слышали слишком длинный список исследований «мышления», имеющий отношение к способам употребления слов, обозначающих цвета, в данном языке. Сам Смирнов вошел в зал на середине описания, и говорящий при этом удвоил уровень энергии, который и так был высоким, и вскоре начал дергать бровью. Он вдавался в мелкие подробности, несмотря на то что время нашего отъезда уже прошло и что его коллеге тоже нужно было произносить речь. В итоге времени не осталось совсем. Есть значительное свидетельство иерархической структуры среди ученых. Когда Смирнов вошел, присутствовавшие два молодых психолога встали. Смирнов показал им жестом сесть и пристроился на краешке стола, но двое молодых русских остались стоять позади своих стульев, не желая садиться, пока Смирнов сидел на столе. В конце концов Смирнов заставил сесть их на стулья.

Мы видели только одну часть интересного исследования. Студент Соколова изучает субвокальную (внутреннюю) речь. У него целый кабинет отличного оборудования, сделанного в России, включая электронно-лучевой осциллограф, высокоскоростной магнитофон, анализатор частоты, прекрасный полиграф с возможностью записывать чернилами до сотни колебаний в секунду, один канал которого снимал показания с пары электродов. Все это было присоединено к субъекту, сидящему в кресле с «кожно-гальваническими» электродами, множественными электродами для измерения общего напряжения и электродами вокруг губ, гортани и кончика языка. Это было прекрасное и дорогое оснащение, но предназначенное для решения довольно устаревшей проблемы, хотя нам объяснили, что Соколов думает, что с современным оборудованием в области субвокальной речи может быть обнаружено что-нибудь новое. Оставшаяся часть длинного утра была посвящена детальным программным выставкам того, для каких целей Институт был предназначен по замыслу. Мы намереваемся попросить, чтобы выставки были ограничены десятью минутами, чтобы мы могли увидеть больше активной работы и уяснить детали.

Я едва успел вернуться в отель вовремя, чтобы взять мои слайды и записи и поехать

в Академию педагогических наук. Леонтьев очень радушно представил меня, а Лурия был переводчиком. Мы воспользовались личным диапроектором Лурии, купленным в Соединенных Штатах. Я говорил об обучающих машинах. Аудитория была очень внимательной, очень серьезной, и, я чувствовал, довольно шокированной. Их вопросы были похожи на те, с которыми я сталкивался на множестве встреч в Соединенных Штатах: не было ли это формой полной регламентации жизни? Позволяет ли это развивать индивидуальные интересы? Можно ли научить интуитивным принципам? И так далее – в основном, довольно реакционные. Леонтьев подвел итог в конце, я думаю, очень разумно и обоснованно. Я закончил речь пораньше, чтобы оставить время нашей компании добраться до гостиницы перед походом в театр. Вопросы звучали больше получаса, но мы вернулись как раз вовремя, чтобы отправиться в Народный Театр в Зале Чайковского.

Это было превосходное представление, состоящие из поющего и танцующего хора, балалайки и оркестра из гобоев и горнов, которым аккомпанировал секстет аккордеонов. Пение было в характерном носовом стиле. Мы смотрели на очень красивый хор юных девушек и превосходный «материнский» хор женщин постарше и мужчин. Отличные русские танцы. Было хорошее прожекторное освещение, и ансамбль добивался удивительных и восхитительных эффектов очень простыми средствами. Зал был овальной формы с небольшим партером и округлым балконом в стиле амфитеатра. Сиденья не были слишком удобными. Сцена простая, но очень большая. У здания была изумительная акустика, большое фойе для развлечений и отдыха и весьма рационально устроенный гардероб. (В театрах, как и в ресторанах, нельзя брать верхнюю одежду на свое место. Это касается и женщин. Пальто оставляют в специально отведенных гардеробах.) После театра, мы отправились на метро в гостиницу, где поужинали в десять часов. Мы должны опять отправиться в путь этим утром (среда, 10 мая) в 9.15 с визитом в новый университет.

Пока вчера мужчины были в Институте, женщины отправились в Третьяковскую галерею посмотреть российское искусство. Были образцы русского искусства от истоков до приблизительно 1957 года. Здание

представляет собой череду комнат, заполненных портретами, среди которых почти нет хороших. Ранние картины, показывающие сцены российской жизни, имеют значительный исторический интерес. Там есть картины Екатерины Великой, Ивана Грозного, убивающего своего сына, охота царской семьи и тому подобное. Также много религиозных картин, огромные холсты, демонстрирующие различные библейские сцены. Современные картины просто ужасны. Ни у одной из них не было бы шанса попасть на выставку в каком-либо музее за границами России. Из тридцатых вы видите картины счастливых рабочих и гигантские полотна нереально скучной тематики. Одна, где показана женщина, работающая на пшеничном поле, была названа «Хлеб». Интересно, что для дореволюционного искусства был характерен мотив социальной критики – например, много картин, изображающих бедняков.

Женщины попросили гида не возвращаться за ними, и после Музея пошли в ресторан «Будапешт», где отведали отличный венгерский гуляш. После этого они пошли в ГУМ – большой универсальный магазин. Это здание тоже заполнено людьми, как нам и говорили, но гораздо более привлекательно. Верхний свет делает его ярким, эффектным, «кружевным». Шелковые летние платья были по 44 рубля, а туфли по 22 рубля, но за 37 рублей можно было купить очень стильный, искусно выполненный шерстяной костюм. Женщины видели прекрасные каракулевые пальто различных оттенков серого по 110 рублей. Они не могли понять этого и тщательно изучали их, когда продавщица подошла и сказала «синтетические».

Был один или два магазина, продающих антиквариат – такие вещи, как драгоценности, стопки для водки, десертные чашки, блюда и тому подобное, очень красивое и дорогое.

Барбара Палмер и Ева купили водку, которая стоит примерно так же, как в Штатах, хотя на вкус гораздо лучше, и пока они были у кассы, подошел мужчина и сказал на английском: «Водка для дам – это же очень плохо», и показал собственную бутылку, в которой было вино. Ева сказала ему, что водка для мужа, и он, похоже, повеселел. Продавалось множество консервированной еды и искусной выпечки и конфет, и вокруг

них были толпы людей. Когда они спросили Юрия про высокие цены на одежду, он указал, что в Америке мы платим 25 % дохода за жилье, в то время как в России не больше 10 %, скорее в районе 6 %. Барбара и Ева взяли такси, чтобы вернуться в гостиницу. Как водители такси, так и швейцар в ресторане, который заказал им такси, приняли чаевые так, как будто это было вполне обычным делом, хотя люди, которым чаевых не давали, не были неучтивы. Они пили чай в ресторане на нижнем этаже гостиницы. Метрдотель в ресторане был в белом галстуке и фраке.

Шесть вечера, среда, 10 мая. Большая часть нашей группы провела день в новом Университете. Ева и Барбара Палмер, однако, отправились за покупками и отобедать в город. Мы доехали до Университета на такси и провели большую часть времени на биологическом факультете в различных подразделениях лаборатории Соколова. Университет великолепен, хотя архитектурный стиль, особенно внешней части, отличается безвкусицей, по западным меркам. Почти все коридоры облицованы мрамором, кабинеты и лаборатории построены очень хорошо. Большая часть пола покрыта паркетом и моется каждое утро, в результате чего они изнашиваются быстро и неравномерно. Мы видели много экспериментов с условными рефлексам, все они представлялись со ссылками на высшую нервную деятельность. Многие опыты включали в себя устройства для инструментального или оперантного обуславливания, но методы были довольно устаревшими. В одном эксперименте собака отвечала на различные сигналы, запрыгивая или наступая, или нажимая на различные рычаги и платформы. Условное подкрепление либо не использовалось вовсе, либо задерживалось. Они использовали поведение как отправную точку для исследования тормозящих сигналов. В действительности контроль за поведением, по нашим меркам, был совсем недостаточным. Это касалось также и более простых агрегатов, в которых кролики тянули за рычаг. (Рыбы и черепахи работали с похожим оборудованием, которое мы не видели.) В целом, поведение анализируется скудно, и теории пышно цветут. Очень общие утверждения и выводы из экспериментов для нашего понимания нервной системы банальны. Я никогда не видел подобного раз-

рушительного воздействия физиологических теорий на исследования.

Здание было полно студентов многих национальностей. Мы видели, как нам было сказано, типичную студенческую комнату или точнее пару комнат, у каждого студента есть собственное маленькое, но личное жилище, с общей ванной комнатой на пару. Было много удобно расположенных книжных магазинов, и студенты постоянно покупали книги. Мы были поражены ценами, пока не обнаружили, что большинство из них были напечатаны по старой системе и сейчас на самом деле их стоимость одна десятая той, что нам показалась. На одном стенде были выставлены работы Ленина.

Научное оборудование во многих случаях было довольно примитивным, хотя мы видели детально проработанные усилители и записывающие устройства, сделанные во Франции. Во многих лабораториях я фотографировал портреты Павлова. Нас пригласили на вершину вышки университета и показали изумительный вид на Москву, который включает в себя милю за милей возводящихся многоквартирных домов. Я еще не видел ни одного частного дома. Мы пообедали в месте, которое я принял за помещение факультета, хотя за многими столами, похоже, были студенты. Обед был отличный. Затем я вернулся в гостиницу и наконец-то задремал.

Ева и Барбара провели весь день сами по себе, обходясь своим постепенно совершенствующимся русским языком. Их проинструктировали, на какой станции метро сойти, но оказалось, что на той ветке, где они были, такой станции нет. Молодой человек, глядя, как они изучают карту, предложил свою помощь, и проехал свою собственную остановку, чтобы убедиться, что они сойдут в нужном месте. На протяжении дня все были очень услужливы и радушны с ними. Выйдя из станции, они спросили очаровательную женщину, где они могут найти Красную Площадь, используя русский язык из путеводителя. Она рассказала им что-то на русском о ее собственных делах и объяснила, что она идет в ГУМ и прошла с ними до самой Красной Площади. Ева узнала из таблички, что мавзолей Ленина открывается в час. Они провели время, посетив Собор Василия Блаженного. Там женщина, рассматривавшая произведения искусства, заговорила с ними по-русски. Когда Ева ска-

зала на русском «я не понимаю», женщина поняла это в том смысле, что она не понимает искусство, и легко согласилась. После того, как она говорила еще некоторое время, Ева сказала «я согласна», и женщина удалилась, думая, что она поговорила с Евой. Позже они спросили хорошо одетого молодого человека, где можно найти кофе, и он привел их в ГУМ, где покупают кофе в банке. Тогда они объяснили, что хотели сесть и выпить кофе, и он привел их в Метрополь. Он отказался от их приглашения присоединиться, сказав, что уже пил кофе сегодня. Он подарил Еве значок и спросил, любит ли она рок-н-ролл. Когда она сказала, что нет, и спросила, любит ли он, он с гордостью объяснил, что он любит и классическую музыку, и рок-н-ролл, но у него нет времени ни на то, ни на другое. Затем они отправились в мавзолей Ленина. Они только что закрыли двери, но гиды распознали в них американских женщин, дали зайти и пристроили примерно в середину очереди, и им пришлось ждать только половину обычного времени. В мавзолее Ленина, вы спускаетесь по лестнице и перемещаетесь вокруг огороженного места, в котором можно видеть фигуры Ленина и Сталина с трех сторон. Там полная тишина, люди быстро продвигаются, и в мавзолее нет ничего, кроме двух фигур и флага. Они лежат на красных подушках, омываемых розовым светом, Ленин в обычной одежде, Сталин в форме. Это было впечатляюще.

Они отобедали в гостинице «Националь». За соседним столом женщина, говорящая по-английски с австралийским акцентом, спорила о преимуществах коммунизма с африканцем и мужчиной-американцем. Отвечая на вопросы о религии, она объяснила, что если бы христианство следовало законам, изложенным Христом, не было бы необходимости в Карле Марксе. Американец сослался на работу Райна¹³, чтобы доказать существование чего-то по ту сторону материи, а женщина не придавала значения выводам, назвав их мистическими, что она тоже отвергала.

Покидая ресторан, Ева и Барбара попросили швейцара вызвать такси. В конце концов, он позвонил и заказал одно, которое приехало. Он принял небольшие чаевые. Все, кого они встречали в течение дня, проявляли неизменную учтивость. После ланча они отправились в Детский Мир – большой универсальный магазин исключительно для детей. Наверху была одежда, такая же дорогая, как вся одежда в России. Первый этаж был полностью занят игрушками. Женщины пытались найти игрушки, которые могли бы быть связаны с войной. Не было автоматов, пулеметов, мечей, сабель, солдатиков, танков – ничего военного, кроме двух водяных пистолетов, одни из них длиной всего два дюйма. Большие толпы мальчишек ходили вокруг демонстраций радио и радиоконструкторов. Продавщица тщательно объясняла детям какую-то игру, основанную на футболе.

Ранее они были в Музее Ленина, о котором им рассказала женщина, встреченная на улице. Было выставлено все, связанное с Лениным, включая, очевидно, модель поезда, на котором он приехал из Швейцарии в Россию, чтобы начать революцию. Музей посещали большие группы школьников по классам, и им все тщательно объяснялось.

В Университете мы видели очень большой плавательный бассейн, устроенный для состязаний в скорости и нырянии. Также мы видели гимнастический зал, где две девушки практиковались в хождении и поворотах на очень узкой перекладине. Одна девушка тренировалась на перекладине, лежащей на мате, другая – на высоте 8 или 10 футов. В одном месте она оступилась и прыгнула на мат. В другой раз она нарочно совершила что-то вроде прыжка сверху и приземлилась на мат. На обеих были черные трико, очень плотно прилегающие к телу и оставляющие ноги босыми. Пока что это был единственный признак женской анатомии в России; мне любопытно, на что похожи сексуальные отношения. На народных танцах прошлой ночью, например, танцовщицы очень много крутились, но на них были нижние юбки, которые оставались бочкообразными под их развевающимися юбками. Похоже, эксплуатации секса в коммерческих целях здесь нет.

Этой ночью в первый раз американский флаг появился на нашем столе. Раньше были флаги на всех столах, кроме нашего.

¹³ Джозеф Бэнкс Райн (Joseph Banks Rhine) (1895–1980) – американский психолог и парапсихолог. С 1928 г. Райн вел научные исследования в лаборатории парапсихологии в университете Дьюка (изучал ясновидение, телепатию и пр.).

Сейчас в обеденной комнате есть итальянский, кубинский и польский флаги. Раньше были группы из Африки и Юго-Восточной Азии. Иногда их сопровождали русские офицеры или представители правительства. Этим вечером с нами, например, Юрий Бурилков и Ольга Виноградова.

Четверг, 11 мая. После завтрака в нашей комнате, Ральф Тайлер¹⁴, Фрэнк Палмер и я отправились в экспериментальную школу, где была встреча с профессором Эльконым. Он работал всего два или три года, но действительно изучил процесс обучения арифметике, письму и чтению очень эффективным способом. В его кабинете мы могли наблюдать класс за работой через систему видеонаблюдения. Он объяснил свой способ анализа обучения арифметике с кубиками наподобие кубиков Кузинье (Cuisinière block). Также он позже объяснил нам, как он учил чтению и правописанию, начиная с составляющих слово звуков. Если привести пример с английским языком, под картинкой кота (cat) будет три коробочки. Ученик кладет небольшую фишку в каждую коробочку, когда он определяет каждый из трех звуков – что-то вроде правописания без букв. Когда ученики могут правильно опознавать звуки в словах, их учат гласным. Это делается в первую очередь потому, что в русском языке значение согласных зависит от следующих за ними гласных. Эльконин фактически изобрел небольшую обучающую машину, состоящую из картонки, расчерченной полосками бумаги, удерживающими буквы, которые скользят вперед и назад через отверстия. Детей учили двигать эти полоски и произносить слова, которые получались, многие из них бессмысленные.

По нашей просьбе, нам разрешили посетить первый класс. Это был ошеломляющий опыт. В комнате было 28 прекрасных рабочих столов с синими пластиковыми крышками и ножками настраиваемой высоты. Несколько учеников отсутствовали, но нам сказали, что среднее количество учеников в классе в России около 17. Возможно, компенсируя отсутствие военных игрушек в Детском Мире, позади классной комнаты был большой плакат с солдатами в бою и

словами «Слава Российской Армии» наверху. Однако наш друг Юрий сказал мне, что это была часть оформления недавнего празднования Дня Победы.

Учительница была чрезвычайно талантлива. Это экспериментальная школа, и ее методы еще не введены в основную практику. Прежде всего мы видели урок письма. Первоклассники писали авторучками в тетрадях. Вверху каждой страницы ученик без напоминания писал дату, а затем копировал предложения с доски, добавляя пропущенные части. Также он переписывал предложения с доски и подчеркивал ударные слоги. Я видел, как ученики произносят слова сами себе, пока не выяснят, на каком слоге ударение. Похоже, все писали хорошо, хорошим почерком на разлинованной бумаге, где высота меньших букв была показана верхней линией. Ученики были хорошо одеты, мальчики в серых костюмах, девочки в коричневых платьях и черных джемперах. У большинства девочек были косички и банты, но ярких цветов не было. Когда мы вошли в комнату, все ученики неподвижно встали у столов, пока мы не сели сами. Отвечая на вопрос учителя, каждый ученик вставал, часто ради короткого «да» или «нет». Это значило, что большую часть времени они просто вскакивали и садились, гремя стульями. Казалось, это просто трата энергии, но, наверное, дети направляли бы ее в другое русло, если бы не скакали вверх-вниз.

Для уроков арифметики у детей были таблицы умножения до 10×10 . Учительница диктовала задачу, ученики записывали ее и писали свои ответы. Затем она спрашивала ответ у нескольких учеников. Если все соглашались с предложенным вариантом, ответ признавался правильным и ученики самостоятельно исправляли ошибки. Затем учительница давала задачи для решения в уме, и, когда ребенок посчитал ответ, он поднимал руку. Опять же она спрашивала нескольких учеников по выбору, и все соглашались или не соглашались с правильностью ответов. Я не знаю, что бы она делала, если бы все пришли к одному и тому же неверному решению.

Это все было удивительно для первоклассников, но было чему удивляться еще больше, когда они перешли к чтению. Ребенок вставал перед всем классом и читал. После 6 или 7 строчек ученик останавливал

¹⁴ Ральф Тайлер (Ralph W. Tyler) (1902–1994) – первый директор центра углубленного изучения поведенческих наук. Внес вклад в исследование педагогических технологий.

ся, и учительница просила класс обсудить его чтение. Большая часть критики была позитивной, например: (нам переводили) он читал с выражением, делал паузы, правильно произносил все слова. Порой указывали и на ошибку. После такого разбора каждого параграфа, дети решали, какую оценку поставить. Большинство получало пятерки; только серьезная ошибка могла снизить балл. Один мальчик, по-видимому, подстегиваемый нашим присутствием, говорил очень быстро. Первое замечание от класса было, что он действительно быстро читал. Дети дружелюбно шутили, все продолжали смотреть на нас и улыбаться, и просто не могли быть прекрасней или очаровательней. Позднее, когда мы покидали здание, этот класс играл на школьном дворе. Они узнали нас и закричали: «Dass vee dahn ya» («До свиданья»). Немного ранее, однако, нас угощали вином, чаем и очень вкусным тортом в кабинете директора.

Что-то есть странное в чаепитиях, что я так и не выяснил. Несколько раз, когда стол уже накрыт, а стаканы с чаем и вином налиты, все сидят и никто ничего не трогает. В Америке хозяин передавал бы торт и взял бы свой стакан первым. Мы все сидели, смущаясь, и никто ничего не делал. В итоге, суетливо и неловко, чаепитие началось. Очевидно, гости сами должны брать себе торт, стаканы и пить, но это кажется столь невежливым для нас, что мы не решаемся это сделать.

Мы возвратились в «Советскую» на обед, а затем трое из нас посетили лабораторию профессора Анохина – ученика Павлова, работавшего профессором в университете. У него много молодых сотрудников со всех частей света, отличное оборудование – очень замысловатые 15- или 20-канальные регистраторы, сделанные в Германии или Франции, самопищущие приборы с лентой разных скоростей, для того чтобы анализировать реакции микроэлектродов и т. д. Также были классические павловские приборы с дополнительными электродами. После экскурсии по лаборатории нас угостили шампанским, вкусными пирогами и сыром, которые подала красивая подруга профессора. Существует традиция фотографировать всех гостей лаборатории Анохина. За нами всюду следовал фотограф; мы позировали для стандартной фотографии на диване в лаборатории Сеченова, которая преврати-

лась в небольшой музей. Картина, изображающая жену Сеченова, была повернута к камере. Там было много портретов Павлова, я пытался фотографировать некоторые из них, хотя освещение было плохим. Мы вернулись как раз вовремя, чтобы переодеться для Большого Театра.

На московских такси есть «дворники», но на них почему-то нет пластинок. Сегодня вечером, как только мы покинули отель, пошел дождь. Водитель взял пластинки из бардачка, вышел из машины и одел их на дворники. Юрий объяснил это как «небольшую игру», заключающуюся в краже стеклоочистителей. Очевидно, они были в дефиците. (По этой же причине, как нам сказали, в ваннах не было пробок, хотя лучшим объяснением было бы то, что русские любят мыться под проточной водой. Они изобрели изумительный кран. Он включен только тогда, когда ты используешь его; в отличие от железнодорожных станций США ты можешь мыть руки, пока вода бежит. Кран состоит из вертикального штыря, опущенного вниз. Ты подставляешь руки, поднимаешь штырь, и льется вода.) Что касается краж, мы были полностью уверены в служащих и оставляли деньги и ценные вещи в номерах. В раздевалках театра и вестибюлях больших зданий мы без раздумий могли повесить меховую шубу Евы на ближайшей свободной вешалке. И там практически нет полицейских, фактически мы видели только сотрудников дорожной полиции. Это делает кражи пластинок с дворников и пробок для раковины и вовсе непонятными. Мы пытались дать на чай горничной, которая убирала за нами посуду после завтрака, но она отказалась. Ева пыталась дать сигареты молодому человеку, указавшему ей путь, и он тоже отказался. Кажется, истинная причина, – это чувство гордости.

В Большом мы смотрели балет «Лебединой озера». Сам театр огромен – очень чистый и прекрасно отделанный. Красные ковровые дорожки на лестницах будто только что постелили, и плюш на поручнях в нашей ложе был свежим и чистым. Вся «подкова» сияла золотом и кармазином. В ложе рядом с нами расположилась делегация из Бирмы, включая трех женщин в восхитительных бирманских нарядах, с русскими друзьями. В ложе напротив мы увидели большую группу японцев, сидевших с нами за обе-

денным столом в отеле. Сам балет и реакция публики были невероятными. В конце мы долго стояли, присоединившись к бурным аплодисментам, с балконов и из партера на сцену бросали цветы, и даже когда мы покинули театр, мы все еще могли слышать овации. Мы возвратились на метро, потому что не могли поймать такси. Сейчас это наш обычный способ возвращения в отель, и мы наслаждаемся им. На прекрасно декорированных станциях у нас не было чувства, что мы находились под землей, – и это просто чудесно для любого, у кого есть хотя бы намек на клаустрофобию.

Утро субботы, 13 мая. Вот хороший пример выбора, с которым нам приходилось постоянно сталкиваться, – казаться параноиком или простофилей. Прошлым вечером Леонтьев спросил меня, могу ли я дать небольшое интервью на Московском телевидении в 6 часов сегодня, и я с радостью согласился. Немного позже, за ужином, наш переводчик Юрий попросил копию видеозаписи, чтобы иметь возможность перевести мою речь, и добавил, что было бы неплохо получить ее сегодня утром. Моей первой мыслью было подозрение, что Юрий отдаст копию комиссару для проверки: не сказал ли я лишнего. Затем я вспомнил, что Юрий по тем же причинам беспокоился о переводе более специальной статьи, которую я отдал вчера в Институте психологии.

Мы ждем ответа от профессора Лурии, сможем ли мы посетить его институт сегодня. Нам сказали, что он закрыт на карантин из-за гриппа. Тем не менее некоторые из нашей группы подозревают, что это всего лишь повод не пускать нас в институт. Русские не заботятся о правдивости оправданий. Мы встретили группу британских преподавателей, которых кормили отговорками на протяжении двух или трех дней. К примеру, им сказали, что они не смогут увидеть балет, потому что на этой неделе представлений не дают. Они с легкостью могли выяснить, что это неправда. Ева и я начинаем думать, не являются ли эти прозрачные отговорки частью какого-нибудь ритуала, который мы не понимаем, что-то сопоставимое с вульгарной ложью, которую индийцы говорят, даже не думая, что это обман. Возможно, Лурии было сложно сказать нам истинную причину, по которой мы не можем посетить лабораторию, и он выдумал другую. Если все обстоит так, то это вполне

может являться хорошей почвой для международных недоразумений и разногласий. Это напоминает мне историю президента Лоуэлла о французском после, который заявил одному из наших ранних президентов «я требую...» только для того, чтобы разгневать президента – ведь посол должен просить, а не требовать.

Вчера был довольно спокойный день. Двое или трое из нас хотели посетить Педиатрический институт, который заинтересовал их. Выяснилось, что сделать это довольно непросто, потому что никто не мог принимать независимых гостей в институте без разрешения главы, а до него никак не могли дозвониться. Также мне не захотелось присоединиться к группе, заканчивающей свои опросы в Институте психологии. Вместо этого Палмеры, Ева и я посетили ГУМ и Собор Василия Блаженного в Кремле. Какой-то мальчик хотел отвести нас в ресторан. Он предложил необычную сделку – обменять булавку на монету, но так как мы не останавливались, стал попрошайничать. Я боюсь, американцы испортят русских детей, как они это сделали в Европе. (Возражения Евы: не американцы ответственны за такое поведение.) В любом случае, этот мальчик очень отличался от других, виденных нами тут.

Между прочим, нам пришлось перейти на другой распорядок питания. Завтрак тут обычно подают в 8.30, но обедают поздно. Мы уже привыкли, что наши визиты в институты и университеты длятся примерно до трех пополудни. Затем мы обедаем. Театры начинают работать ранним вечером. Например, Большой открывался ровно в 6.30, и только после завершения представления мы ужинали. Возможно, это послевоенный пережиток, как в Англии, или просто русская традиция.

Я вернулся в комнату готовиться к лекции в институте, которую давал в семь часов. Две молодые девушки из института приехали на такси. Профессор Лурия переводил, и мы опять использовали его проектор. Лекция проводилась в довольно большой и заполненной аудитории. Задавали много вопросов на такие важные темы, как мои замечания о теории и различиях между рефлексом и оперантным поведением. После лекции Ева и я беседовали с Лурией, Леонтьевым, Запорожцем и двумя другими психологами, включая Костюка, который

будет принимать нас в Киеве. Леонтьев вел дискуссию и был очень обаятельным и очаровательным. Перед уходом мы подарили профессору Лурии небольшие подарки для него, его жены и дочери, также я сообщил ему, что планировал послать ему кое-что из США. Хэнк Рикен и Рэй Ваггонер¹⁵ прибыли после обеда и были представлены на ужине, после того, как мы вернулись с лекции.

После обеда в пятницу Ева и Барбара поехали в усадьбу «Архангельское» – большое поместье, окруженное очень красивым лесом, построенное одним из царей для своей жены и сейчас превращенное в музей.

Дополнение о чудесном воспитании детей в России. Сегодня в Большом давали «Дон Кихота». Во время антракта отец стал выводить трех- или четырехлетнего сына из зала. Мальчик, озорник с яркими глазами, сопротивлялся, и отец дал ему легкую затрещину. Тут сын в гневе стал яростно вырываться, плеснул в отца соком. Мужчина быстро вывел ребенка из зала. К концу антракта они вернулись и вели себя так, будто и не было ссоры, мальчик сидел на коленях у отца и проявлял много знаков, говорящих о его привязанности к родителю.

Суббота, 2 часа дня, 13 мая. Ральф Тайлер и я провели все утро в лаборатории Лурии в Институте нейрохирургии. Это большой госпиталь и, конечно, у них были серьезные причины закрыть его на карантин. Лурия и его помощники проявили изобретательность и разработали множество тестов на выявление локализации опухоли мозга. Детальный отчет об этом скоро выйдет в свет. Мы видели устройство, записывающее движения глаз, – микроскоп сфокусирован на зрачке, он фиксирует пучки инфракрасных лучей; движение глаза записывается при помощи выявления разницы в цвете на краю радужной оболочки. Также мы видели большую афазией, которая полностью забыла английский, хотя работала переводчиком на протяжении 15 лет. Она могла повторять простые русские слова, иногда по два слова, но повторить три ей было очень сложно. Она совершала инте-

ресные ошибки, подтверждая теорию Лурии о потере различия между звонкими и глухими согласными. Институт – это больница, вмещающая 400 больных и специализирующаяся практически только на операциях на мозге. Пациентов привозят со всего СССР, и клинический психолог может здесь найти для изучения практически любой тип поражения мозга. Лурия и его коллеги детально описывали техники анализа дефектов вербального поведения с точки зрения локализации повреждения в мозге. Лурия подчеркивает направленный характер вербального поведения, имея в виду использование индивидом вербальных реакций, чтобы управлять собственным поведением.

Вечер субботы, на борту «Красной Стрелы». Большая часть группы во второй половине дня пыталась обменять чеки «Американ экспресс» на рубли, чтобы заплатить по счетам за отель. К счастью, я совершил обмен еще вчера и поэтому мог немного отдохнуть и подготовиться к появлению на телевидении. Когда Юрий сказал, что желает прочесть мою речь, я поднялся рано утром и написал около 400 слов, объясняя цель нашей миссии и описывая мою собственную работу, включая краткую ссылку на обучающие машины. Когда Лурия этим утром пришел в отель, моя речь была со мной. Он прочел материал и одобрил его, добавив лишь, что было бы неплохо в конце сказать пару слов о дружбе. Рэй Ваггонер привез с собой много маленьких пластиковых мастерков, на которых были написаны слова «Чтобы скрепить русско-американскую дружбу, делегация поведенческих наук США, 1961». Один такой я отдал Лурии, он был в восторге и предложил использовать его в конце телевизионной программы.

Сегодня в 5 вечера наши московские хозяева устроили прием в отеле. Леонтьев приветствовал нас формальной речью, выражая удовольствие от нашего приезда в Москву, бурно выказывая дружеские чувства и желание продолжать сотрудничество. Джим Миллер достойно выступил с ответным словом; мы пили водку в конце каждой речи. Русские, как это и должно, пьют по полному стакану, никто из американцев не был способен на такое. Юрий частично перевел мою речь и серьезно озадачил меня вопросами о точном значении некоторых слов. Независимо от того, должен ли был

¹⁵ Рэймонд Ваггонер (Raymond W. Waggoner) (1901–2000) возглавлял факультет психиатрии Университета Мичигана с 1937 по 1970 г. С 1969 по 1970 г. был президентом Американской психиатрической ассоциации.

комиссар проверять мою речь, сейчас я думаю, что Юрий был больше обеспокоен своим первым появлением на телевидении и хотел быть хорошо подготовленным.

Тем не менее Юрий так и не смог подготовиться в достаточной мере. Мы должны были прибыть на телевизионную станцию в десять минут седьмого, но опоздали более чем на двадцать минут. У ворот был всего один вооруженный охранник, он и пропустил нас. Царил полнейший хаос. Выяснилось, что телевизионщики хотели, чтобы я читал первый параграф моей речи, а Юрий затем его переводил, и так далее до конца. Это означало, что у Юрия должна быть полностью напечатанная версия. Он бросился в комнату к стенографистам и начал диктовать. Тем временем меня отвели в большую студию, довольно похожую на американскую – огромная комната, напоминающая амбар, потолок покрыт лампами, операторскими кранами и т. д. Телевизионные камеры ездили туда-сюда по рельсам, лампы включались и выключались, поворачивались в нужные стороны, затемнялись, наклонялись и т. д. Меня усадили за небольшой стол. Двое за другим столом неподалеку уже вели передачу новостей, комментируя события спорта и новости, которые они читали с монитора. Я сидел и ждал, постоянно поглядывая на часы. В самую последнюю минуту Юрий прибежал в студию, сел рядом со мной и протянул мне мою копию речи. И тут же камеры переключились на нас, и нас стали транслировать в эфир. По словам управляющего студии, в тот вечер около тридцати миллионов россиян увидели эту передачу (был вечер субботы, и программа транслировалась в другие города Советского Союза). Когда программа закончилась, Юрий был просто счастлив. Он заметно нервничал во время передачи и был очень рад, что все прошло так хорошо. Я дал режиссеру маленький мастерок, который показал в конце передачи. Еще один достался сценаристке, молодой женщине, которая выдала мне ваучеры с подписью, чтобы мне могли заплатить за выступление. Я запротестовал, поскольку в Америке за подобные выступления никому не платят, но это, очевидно, был вопрос гордости, и они настояли на том, чтобы я взял то, что мне причитается. Я предложил им отдать деньги Юрию. Также я отдал один мастерок главному управляющему

студии, ему очень понравился подарок. Я продолжаю чувствовать неподдельную потребность в понимании и дружбе.

Мы с Юрием вернулись в отель, когда неофициальная часть приема уже заканчивалась. Кстати, в Москве, как и в других городах Европы, водителям запрещено использовать дальний свет. Это может ослепить прохожих, да и улицы хорошо освещены. Днем и ночью пешеходы идут по левой стороне дороги и постоянно подвергаются опасности (Я заметил и другие довольно опасные моменты. Например, в Институте нейрохирургии лестницы и пандусы спроектированы так, что легко упасть и сломать ногу. Очевидно, никто не боится, что его засудят; устройств безопасности, так широко используемых в Америке, попросту нигде нет. Барбара видела довольно интересную игрушку в «Детском Мире» и даже подумывала купить ее, но не стала: у игрушки были очень острые углы).

Профессор Запорожец пообедал с нами и настоял на том, чтобы проводить и посадить нас в вагон. Покидая отель, мы немного подождали Юрия, и в итоге на станцию прибыла целая колонна такси с багажом и людьми. Опять шел дождь, и я стал яснее понимать проблему с дворниками. Наш водитель вышел, надел эти пластинки, но они были практически бесполезны, почти не очищали стекло от воды.

На станции Юрий убедился, что весь наш багаж при нас, и ушел платить за такси. Опять мы ждали до тех пор, пока не объявили, что поезд скоро отправится. Мы бросились к поезду («Красная Стрела») и зашли в девятый вагон. Мы уже успели изрядно поволноваться, ожидая когда Юрий и Джим Миллер пришли с билетами, но вскоре поезд тронулся, а мы стали готовиться ко сну.

Поезд был в безупречном состоянии. Наше купе было окрашено в ярко-синий цвет с панелями из темного дерева. На небольшом столике стоял сифон с газированной водой, были лампы для чтения и ночной свет, который никогда не выключался. Также в купе было радио, которое мы смогли выключить с большим трудом.

Утро воскресенья. Я встал рано и сейчас смотрю на проплывающие мимо пейзажи. В сосновом и березовом лесу группками стоят деревянные дома. Почти каждый дом окружен засаженным огородом, хотя еще слишком рано для всходов. Сады состоят из

прямоугольных грядок, между которыми находятся дренажные каналы. В конце коридора нашего вагона есть бойлер, отапливаемый углем. Мы только что пили очень вкусный чай с пирожными в нашем купе. Чай, конечно, подается в стаканах с серебряными подстаканниками. Проводник вагона – очень дружелюбная женщина.

Сельская местность за окном очень ровная, с множеством березовых рощ с вкраплениями вечнозеленых деревьев. Земля тщательно дренируется, через каждые 10 ярдов находится ров. Похоже, это спланировано для естественного возобновления леса. На деревенских домах, мимо которых мы проезжаем, множество телевизионных антенн, многие из них на высоких шестах, к которым они привязаны, чтобы их не повалил ветер. Мы только что проехали большую силовую установку и линию передач. Местность совершенно ровная, а железная дорога совершенно прямая. Говорят, один из царей взял карту и линейку, прочертил прямую линию от Ленинграда до Москвы и сказал своим инженерам построить дорогу по этой линии.

Радио в нашем купе очень хорошее. Женщина о чем-то говорит, возможно, о политике (вообще-то мы не знаем; еще один приступ паранойи?). У русских, кажется, бесконечный запас белья. Все полотенца для лица высокого качества, а диванные подушки в нашем вагоне покрыты большими льняными покрывалами, вышитыми яркими узорами.

Полдень воскресенья, 14 мая. «Красная Стрела» прибыла в Ленинград точно вовремя, нас встретил профессор Ломов и наш интуристовский гид. Мы остановились в отеле «Европа». Этим утром у нас была экскурсия на автобусе по городу; он очень красив, пересеченный реками и каналами, напоминающий Амстердам, а может быть, Венецию или Стокгольм. Бросаются в глаза памятники революции. Мы пробудем здесь всего два дня, так что нет смысла даже посещать музеи. Завтра вечером я пойду на выступление французского пианиста Брайловского, он будет играть Шопена и Рахманинова. Похоже, «Интурист» работает хорошо. За это утро мы успели посмотреть много достопримечательностей. В Ленинграде гораздо больше разных магазинов, чем в Москве. И выбор товаров больше, включая предметы роскоши. Стиль жизни

здесь намного больше напоминает западно-европейский.

Утро понедельника, 15 мая. Вчера после обеда большая часть нашей группы поехала на автобусе за 30 км от города посмотреть на Летний Дворец в Петергофе. В тот день было открытие фонтанов. Собралась огромная толпа невзирая на холод и промозглую погоду. Во время осады Ленинграда немцы нанесли большой вред имуществу дворца и забрали все статуи. Некоторые оригиналы были восстановлены, для остальных были изготовлены копии. Все статуи покрыты золотыми пластинами. Фонтанов было 137 – некоторые из них привлекательны только для детей, а некоторые сопоставимы с фонтанами в Версале. Дворец находится на берегу Финского залива, и неподалеку есть военно-морская база. Среди тех, кто ходил вокруг, было много моряков. Это был эпатаж буржуазии, смешанный с местью, и еще один пример того, как ценят Советы образцы прекрасного и ослепительного бывшей высшего общества. Я более всего интересовался поведением людей.

Улицы Ленинграда очень людные, в Москве в прошлое воскресенье было так же. Хотя все указывает на то, что советская экономика эффективна, я начинаю замечать удивительное однообразие жизни его граждан. Они выглядят счастливыми и приветливыми, но вряд ли в этом смысл их жизни. Мне становится интересно, ради чего живут советские граждане. Очевидно, они хотят перенять старые западноевропейские устои – ничего не делать определенное количество часов в неделю и остальное время слоняться в безделье с друзьями по паркам и вокруг древних памятников. (Ева поднимает вопрос о том, что можно ожидать от такого количества людей. Любая попытка планировать что-то в таких масштабах заставляет осознавать серьезность демографического взрыва. Максимизация количества счастливых людей напоминает старый религиозный принцип, чтобы в рай попало как можно больше душ.) Кстати, когда Ева спросила гида об антирелигиозном музее, он поправил ее, сказав, что правильно его называть музей «религии с точки зрения атеизма». Так он и называется – «Музей религии и атеизма».

Вчера днем в вестибюле отеля, когда я заказывал билеты на театральное представление, один турист услышал мое имя и

представился. Он преподает в Университете Калифорнии и использует мой роман «Уолден-2» для изучения утопий. В Ленинград он приехал с большой группой, и сейчас они направляются в здание свадебных церемоний; у нас не хватит времени, чтобы посмотреть его. Если вы хотите хорошую свадебную церемонию, вы можете сочетаться браком в этом месте. Церемония хоть и нерелигиозная, но полна ритуалов и может стать хорошей альтернативой простой регистрации. Если у вас немного денег, то вы можете присоединиться к массовой церемонии. (В американском варианте: ваша дочь будет стоять в группе невест, а не одна). Ева спросила Юрия о похоронных обычаях. Есть два способа: кремация или погребение. Если человек был религиозен, можно провести панихиду, но обычно так никто не делает. Когда Ева спросила, есть ли в России поминальные обряды, Юрий был озадачен, и нам пришлось разъяснить смысл выражения. Затем он сказал, что иногда близкие друзья покойного собираются и вспоминают о нем.

В Летнем Дворце мы видели красивого младенца, лежащего в маленькой коляске. Вглядевшись, мы поняли, что он был пристегнут к люльке. Видно было только лицо. В общем, все малыши, которых мы видели, были спеленаты. Дети немного старшего возраста носят вязанные чепчики или шапочки, даже в теплую весеннюю погоду. Снимают они их, я думаю, только в возрасте трех-четырёх лет.

5.30 вечера, понедельник, 15 мая. Этим утром, после того, как мы подписали все имеющиеся у нас почтовые открытки в безуспешном ожидании Юрия, Фрэнк Палмер и я отправились в Эрмитаж. В час дня нам надо было быть в Институте Павлова, встретиться с другими членами группы. Оказалось, мы так долго ждали Юрия, потому что у него были большие сложности с тем, чтобы организовать нам посещение школы. В Эрмитаже тысячи залов и десятки тысяч восхитительных картин. Есть зал с дюжиной полотен Рембрандта, в другом – Рубенс, и так далее. Я не мог найти коллекцию французских импрессионистов, а после своих поисков с трудом смог найти выход. Как я выяснил позже, коллекция находилась на третьем этаже в малопривлекательных комнатах и почти не посещалась русскими. Мы с Фрэнком перекусили и затем попыта-

лись поймать такси. Свободных машин не оказалось, мы попытались добраться на автобусе, поехали не в том направлении, пересекли Неву и высадились в месте, в котором мы не могли ни с кем связаться. В итоге мы вернулись обратно и, идя наудачу вдоль Невы, как мы надеялись, в правильном направлении, мы наткнулись на Юрия, который ждал нас уже сорок минут.

Наша группа была уже внутри, сидела за столом с кофе и пирожными. Черниговский¹⁶, Кольцова¹⁷ и другие также были там. Мы видели стул, на котором сидел Павлов, дыру в двери, которую он проделал, чтобы наблюдать за действиями своих собак, и классический павловский эксперимент, улучшенный в наши дни фотографической регистрацией данных электрокардиографов, пневматических устройств и так далее, с возможностью вживления электродов. Все боготворят Павлова, и Кольцова часто начинала ответ на вопрос словами: «Понимаете, Иван Петрович Павлов говорил...». Похоже, этим они оправдывали идеи и процедуры, которых они придерживались.

Мы вернулись в отель к четверем, и я отправился на поиски Музея религии. Я долго шел в неправильном направлении, а затем остановил молодого человека, спросил его, куда идти. Он немного говорил по-английски, язык он учил в школе. Он – молодой инженер-технолог, и сейчас у него был выходной. Он настоял на том, чтобы проводить меня до музея (6–8 кварталов) и зашел со мной внутрь; с помощью моего словаря он переводил основное содержание экспонатов. В музее есть демонстрации, сравнивающие религиозные и научные точки зрения на эволюцию, звезды и так далее. Вставлены элементы одежды и предметы,

¹⁶ Владимир Николаевич Черниговский (1970–1981) – советский физиолог, академик АН СССР. Основные труды посвящены функциональным взаимоотношениям коры головного мозга и внутренних органов, interoцепции, космической физиологии и медицине.

¹⁷ Марионилла Максимовна Кольцова (р. 1915) – физиолог и психолог. В 1941 г. в начале войны была зачислена в штат детской больницы, лечила детей блокадного Ленинграда. С 1969 по 1987 г. профессор Кольцова заведовала лабораторией нервной деятельности детей дошкольного возраста. Занималась изучением межполушарных отношений коры головного мозга, механизмов становления речи ребенка, детского рисунка и др.

используемые в римско-католической и православной церквях, много картин и скульптур, показывающих историю религии, в частности религиозных гонений. В подвале есть выставка комнаты пыток времен испанской Инквизиции с восковыми фигурами и много настоящих инструментов пыток, включая три макси, которые захлопывались на лицах жертв. В их длинные металлические хоботы помещалась еда; жертва чувала запах, но голодала. Там была керамическая статуя попа, протягивающего руки в жесте благословения, а из-под его длинной пурпурной мантии выглядывали Муссолини, Гитлер и Хирохито.

В шесть часов я забрал билеты в цирк и на симфонию (для разных членов нашей группы), поужинал, и пошел на симфонию. Вчера в конце нашего визита в Летний Дворец у меня было довольно грустное чувство, что русские решили все свои проблемы и обнаружили, что им ужасно скучно. Учитывая это, мне кажется, что мы видим либо скучающих людей, либо тех, кто ради довольно дешевого развлечения слоняется по паркам и прочим местам. Тем не менее русские стали уделять внимание литературе, в городе много книжных магазинов, вокруг уличных прилавков с книгами всегда много народу. Где-то в городе, наверное, тысячи людей читают сейчас – для самосовершенствования и просто для развлечения. Изобразительные искусства чахнут, но музыка и балет процветают. Возможно, рано говорить о том, может ли коммунизм решить проблему использования всего людского потенциала. (Они должны решить проблему в Эрмитаже, располагая комнаты с ценными картинами в одном отделе, чтобы люди легко могли их посмотреть, а комнаты с второсортными картинами и теми, что интересны только специалистам, – в другом. Музей слишком большой, чтобы увидеть все за один день.)

Ленинград еще более космополитичный город, чем Москва. В нашем отеле на газетной стойке есть газеты и журналы на польском, венгерском, китайском, французском, немецком, английском и многих других языках.

Понедельник, 10 вечера, 15 мая, только что вернулся с симфонии. Брайловский играл Шопена в ми миноре, и Рахманинова в до миноре. Первую половину представления я сидел в начале восьмого ряда и был пора-

жен низким качеством игры оркестра и озадачен звучанием пианино. Затем, возможно, в качестве жеста дружбы, Мари Тайлер поменялась со мной местами, и вторую половину выступления я стоял на балконе первого этажа. Оказалось, мое предыдущее место было «мертвой» акустической точкой. С балкона и оркестр и пианино звучали потрясающе. Было немного в новинку то, что Шопена играли опять – во времена Сталина он был запрещен. Последняя часть была полностью русской, в Ленинградском симфоническом зале Рахманинова играл русский пианист, это было довольно захватывающе. (В программе говорилось, что Брайловский «француз». Дама, сидевшая рядом со мной, настаивала, что он русский. Я думаю, что он поляк.) Довольно необычная для США программа, составленная из двух концертов на фортепиано, и еще более необычно то, что пианист несколько раз возвращался и играл соло на бис.

Пока мы шли в симфонический зал, ко мне три раза подходили молодые девушки. Вряд ли это были студентки, и мне любопытно, могли ли они быть проститутками. Позже я вышел из здания один, чтобы посмотреть, там ли они, но их не было. Я решил, что они подходили ко мне с целью выпросить денег на билет. Зал был полон, и много людей стояло. Большую часть присутствующих составляли восторженные, хорошо одетые молодые люди, очень отличающиеся от толпы в Летнем Дворце; они возвращают мою веру в новую Россию.

Ева провела вечер в цирке – маленьком, в европейском стиле. Самым волнующим номером была женщина-дрессировщик с маленьким хлыстом, усмиряющая им восемь тигров. Она часто обнимала их, целовала и тянула за хвосты, расставляя по местам.

(Примечание: Ева заметила, что, когда она идет по улице, женщины сперва смотрят на ее лицо, а затем сразу на туфли. Другие члены группы тоже заметили это. По обуви и чулкам – так, возможно, определяют американцев.)

Утро вторника, 16 мая. Некоторые из группы посетили Институт Бехтерева. Это госпиталь для психически больных, ведущий некоторую экспериментальную работу. Нас встретил, как обычно, директор¹⁸, он

¹⁸ Борис Алексеевич Лебедев (1925–1992) – психиатр. С 1960 по 1964 г. работал в должности директора

рассказал о многих отраслях науки, которые покрывают их исследования. Во время обсуждения деталей с членами группы мы с Доном Маркисом попросили показать пару экспериментов. Нас отвели в офис к заместителю директора, усадили и еще раз стали рассказывать про разные поставленные ими эксперименты. Когда мы снова попросили показать аппараты, нам продемонстрировали отдельную часть, связанную с выработкой условных речевых рефлексов. Это вертикальная панель, на ней сверху располагается полупрозрачный диск, на который можно проецировать цвета, фигуры и так далее. Субъект должен называть их вслух, а также нажимать на педаль или сжимать деревянный брусок, покрытый резиной. Сила сжатия измеряется счетчиком позади панели. Разные звуковые стимулы могут предъявляться с различной интенсивностью; время реакции измеряется. На одной стороне был небольшой желоб, по которому испытуемому подаются конфеты, но директор сказал, что он не используется для взрослых. Установку легко собрать и перенести.

Также мы видели комнату с шестью кроватями, в изголовьях были гнезда, от которых можно было провести провода к головам пациентов – один к передней части головы, один к затылку. Переменный ток с максимальным напряжением 30 вольт, но обычно не превышающий 5–10 вольт, подается через голову. Это вызывает «щекочущие ощущения» и усыпляет пациентов. Так они спят в течение двух или трех часов и это считается формой наркотерапии.

Я покинул Институт Бехтерева, вернулся в отель раньше своей группы, пообедал и немного отдохнул перед лекцией в Институте Павлова. Джим Миллер говорил примерно час, затем я продолжил, тоже около часа. Аудитория была забита битком, люди сидели на принесенных из других комнат стульях в проходе, многие стояли в дверях. Всем было очень интересно, и они были даже расстроены, что мы из-за нехватки времени не успели обсудить так много

вопросов. Мы тоже выразили свое неудовольствие по поводу скорого ухода.

После нашей лекции профессор Ломов спросил, не можем ли мы посидеть и поговорить, и предложил остаться в институте или пройти немного до университета. Мы выбрали университет, и это было ошибкой: мы попали в руки Ярмоленко¹⁹, заведующей кафедрой психологии в университете. Ей очень нужны очки – она косится на вас и одновременно на текст в своих руках. Она говорит по-английски как-то механически и не понимает наших вопросов. Ломов, очевидно, был ниже ее по статусу, чтобы осмелиться перебивать. Когда Ярмоленко в итоге милостиво разрешила ему говорить, она занялась бумагами и счетами на столе, за которым сидела. Она долго и пространно говорила об отраслях психологии, преподаваемых в университете, о своих интересах в экспериментальной, клинической, социальной и других областях психологии. Дон Маркис, сидевший рядом со мной, написал записку Джиму Миллеру: «Если вы хотите уйти, я могу сказать, что нам надо быть в отеле к шести». Но Джим оставался джентльменом, дав Ярмоленко массу времени, чтобы рассказать обо всем, чем она занимается. Затем она спросила, есть ли у нас вопросы. Мы объяснили, что нам надо быть в отеле к шести, а на часах к тому времени было 17.45. Тогда она сказала, что у нас есть еще 15 минут на наши вопросы. Но я встал и протянул руку в прощальном жесте. Она зло покосилась на меня и заявила: «Вы ведь не задали своих вопросов». Мы сбежали оттуда каждый с копией недавно опубликованной книги, у которой было несколько авторов, но подписал ее только один – Ярмоленко.

Среда, 17 мая. Выяснилось, что мы остаемся в Ленинграде сегодня на весь день, отправляемся в Москву вечером, а в Ташкент – ночью. Я решил посвятить день не работе, а отдыху и провести его в Эрмитаже и других примечательных местах Ленинграда. Прошлым вечером мы присоединились к Палмерсам и Кольцовой с мужем в восточном ресторане, отлично декорированном и с хорошей кухней. Кольцова очень приятная женщина, но ее работа не кажется мне захватывающей. Она была в Ленинграде во

Научно-исследовательского психоневрологического института имени В. М. Бехтерева. Занимался изучением церебральных механизмов психических нарушений, внес вклад в развитие психосоматической медицины. Был почетным членом Американской психиатрической ассоциации и Бельгийского психиатрического общества.

¹⁹ Августа Викторовна Ярмоленко (1900–1972) – российский психолог, дефектолог, специалист в области исследования слепоглухонемой. Была профессором кафедры общей психологии ЛГУ.

время 900-дневной блокады, заботилась о раненых и пострадавших детях и до сих пор очень плохо относится к немцам.

Отдельную комнату в ресторане отеля «Европа» занимает делегация из Вьетнама – примерно 35 человек с двумя или тремя русскими гидами. Этим утром прибыла большая часть их группы, и когда пришел их русский гид, крупный внушительный мужчина, они заплотировали ему. Он занял место в центре стола. Интересно, в США происходит то же самое?

Четверг, 18 мая, Ташкент. Вчера после обеда мы с Бобом Мёртоном снова пошли в Эрмитаж посмотреть работы французских импрессионистов и смогли вернуться в отель на обед, как и договаривались, около трех. Обслуживание было очень медленным, и мы не могли пойти в наши номера до 4.30, тогда как в 5 нам надо было уже отправляться. Но выехали мы почти вовремя и быстро доехали до аэропорта. Мы летели до Москвы на реактивном самолете советского Аэрофлота. На самолете всего два двигателя, но более ста пассажирских мест. Двигатели располагаются близко к корпусу, шасси отодвинуты к крыльям в специальных нишах. Крылья немного опущены, так что от их кончиков до земли меньше шести футов, когда он на земле. Скорость при взлете казалась очень высокой, и самолет сильно трясло, что показывало, что самолет легче или быстрее, а может, и то, и другое, чем наши американские реактивные самолеты. В целом, нам было очень комфортно, можно было откинуть сиденья и поспать.

Мы прибыли в Москву в половине девятого вечера и провели неплохой вечер в аэропорту. Комната для интуристов оказалась очень уютной и удобной. Мы разделились на группы и играли в карты – покер, бридж и так далее, кто-то не спеша ужинал в ресторане аэропорта. Около двух часов ночи мы вылетели в Ташкент и были там в 9 утра того же дня. Как нас и предупреждали, гиды для интуристов в Ташкенте очень ответственно относятся к своей работе. Мы позавтракали и совершили длинный тур по городу. Посетили мемориалы советских героев, значительное количество статуй Сталина и видели очень интересный район, где возводят новые здания и сносят целые кварталы старых саманных хижин. Мы видели новую технику строительства домов из

ромных бетонных сформованных плит, каждая по размеру одного блока комнаты.

Ташкент – азиатский город, и мы видели много старомодных костюмов. Прямо сейчас это очень заметно из-за группы женщин, приехавших сюда из другой части страны на съезд. Разница между возрастными тут очень заметна. Если все эти молодые люди – действительно дети пожилых, то советская система на самом деле провела выдающуюся работу по преобразованию народа в одно поколение. Многие дети почти неотличимы от европейских или американских детей. Школьники одеты в ту же форму, что и в Москве, и такие же дружелюбные, счастливые и энергичные. Похоже, что они не переняли практику обмена булавок на жвачку, карандаши и прочее.

Отель был построен всего три года назад и, очевидно, неопытными людьми. Раковина отходит от стены, сиденье унитаза треснуло, нет горячей воды, паркетный пол плохо отполирован и так далее.

Парки в городе довольно неплохие, хотя при местном климате их сложно поддерживать в хорошем цветущем состоянии, как в северных городах. Обычно о цветах в парках России бережно заботятся, и специальные машины поливают их каждый день, но трава не подстригается и для западных глаз выглядит грубой и запущенной. Мы поняли, что русские считают наш обычай подстригания газонов комичным – они думают, что трава, как и цветы, должны расти беспрепятственно. В Ташкенте есть несколько водохранилищ, окруженных красивыми садами; по озерам на лодках плавают люди. Около аэропорта, в который мы прибыли, была клумба с цветами – в это время с немного увядшими красными розами. Земля тут глиняная и пыльная, клубы пыли поднимаются с неорошаемых земель, но с системой орошения вдоль каждой улицы стало возможно вырастить много деревьев, способных отбрасывать тень, очень необходимо в жаркую погоду.

Узбеки перешли от кочевого скотоводства к оседлому образу жизни буквально за одно поколение. Результат, конечно, не очень живописный. «Нэшнл Географик» не нашел бы здесь интересных сюжетов для своих зрителей. Но я начинаю верить, что поддержание такого зоопарка с необычными примитивными людьми – особенно жесточайшая форма эксплуатации. Ева сожалеет,

что люди потеряли индивидуальность, и не хочет и думать о мире, где все везде выглядит одинаково.

Мы ужинали на крыше отеля. Шашлык и красное вино, шампанское, обходительное общество Джима Миллера и Юрия, танцевальная группа с пятью инструментами – два аккордеона, кларнет, скрипка и барабаны, – салют где-то вдалеке, площадь напротив отеля, вся в разноцветных огнях... и иногда слабый запах уборной от одного из вентиляторов. Людям в ресторане (а их было немало) очень интересны *les américains* (американцы). Хэнк Рикен приехал с двумя узбеками, один – инженер, работающий над автоматизацией железной дороги, говорил очень хорошо по-английски, второй – инженер-конструктор, говоривший на немецком. Они оставались с нами на протяжении всего вечера, пили шампанское. Боб Мёртон пересел за другой столик и скоро увлекся энергичной дискуссией с группой молодых узбеков.

Школы в Узбекистане разделены в соответствии с третьим преподаваемым языком. Все учат русский и узбекский; дополнительно есть возможность выучить английский, хиндустани, китайский и другие языки. Тысячи советских детей готовятся к тому, чтобы общаться и укреплять взаимоотношения с соседними странами.

Утро воскресенья, 21 мая, после прибытия в отель в Тбилиси. Мы уехали из Ташкента в Самарканд 19 мая, и вернулись к вечеру 20-го. У нас не было доступа к багажу, сданному на хранение до того, как мы прибыли сюда, и у меня не было доступа к диктофону. Перед рассказом о произошедших событиях я сообщу об ужасной некомпетентности интуристовских услуг в Узбекистане и Грузии. Интурист в Ташкенте знал, что мы планировали вернуться прошлым вечером из Самарканда, и время прибытия самолета должно было быть известно. Но к нашему прибытию не было ничего подготовлено, и даже не хватило комнат для некоторых членов группы. Из комнаты, в которую заселился Рэй Ваггонер, было выселено 6 человек, и прошло два часа, прежде чем он смог заехать. Получилось, что несколько этого не желая, мы выселяли русских из их же комнат. Для поддержания общественных отношений надо сделать так, чтобы этого больше не повторилось. Например, после возвращения в Ташкент про-

шлым вечером, мы пошли ужинать в ресторан на крышу. Было довольно много людей, но было оставлено два стола для нас. За одним из них сидел коренастый бритый мужчина, по-видимому, узбек. Не знаю, как долго он там сидел, но, как только мы пришли, люди из администрации подошли к нему и стали просить уйти. К счастью, мы все уместились за одним столом, так что мы его не потеснили, но около него все равно стояли три-четыре человека и продолжали настаивать на том, чтобы он ушел. Они показали ему на знак «Зарезервировано для интуристов», но он упорствовал, говоря, что ему больше негде сесть. Несколько раз он свирепо глядел в нашу сторону, и я жестом показал ему, что он может остаться на своем месте. Я надеюсь, что он почувствовал нашу симпатию. В любом случае, представители гостиницы оставили его в покое. Он посидел еще около 5 или 10 минут, устанавливая свое право собственности, затем поднялся и ушел. Когда он проходил мимо нашего столика, я встал и подал ему руку, и он сердечно пожал ее. Я думаю, он понял, что не американцы пытались выгнать его, хотя, конечно, никогда не знаешь точно.

Наше прибытие в Тбилиси также оказалось неожиданным, сложно было найти нам комнаты. В итоге, нам были вынуждены предоставить номера люкс. Нам с Евой достался многокомнатный номер. Угловая комната с тремя окнами, выходящими на балкон, столом, диваном и расстроенным пианино и, как обычно, со столом для сервировки посередине комнаты. Спальная комната роскошная и большая; ванная больше чем обычно, отделана мрамором, но сантехника, как всегда, постоянно протекает.

19 мая в Ташкенте мы посетили школу-интернат, а затем педагогический институт. Интернат в прошлом был военной школой для мальчиков. Нам сказали, что теперь в России от этого отказались, а здание приспособили для обучения мальчиков и девочек. Был выходной (30-летие основания пионерии), но на площадках было много детей. Нас встретило больше дюжины мальчишек с 35-миллиметровыми камерами, которые фотографировали нас даже больше, чем мы их. Позже мы узнали, что они были членами кружка фотографии (мы бы его назвали клубом фотографии) и делали снимки в рамках своей деятельности в нем. Школь-

ные площадки очень яркие, с флажками и выпелами. Как обычно, нас отвели в кабинет директора, где нам рассказали про работу школы. В Советском Союзе столкнулись с обширной инженерной работой в Узбекистане и находят удобным на некоторое время отделять детей от родителей. Дети, как всегда, были замечательны. Они опять были невероятно любопытны и очень деятельны. Хотя школа не работала, мы посетили кружок английского языка. Урок проводился в комнате преподавания языка, там стоял большой магнитофон. Меня попросили записать несколько фраз на английском, чтобы на следующий день дети послушали и разобрали их. Чтобы показать свое владение языком, дети в парах разыгрывали маленькие скетчи. Например, девочка, играющая кошку, пыталась вынудить маленького мальчика в роли мышки войти в ее домик. Сценка закончилась тем, что мышка поняла, что кошка хочет ее съесть, и убежала. Дети аплодировали, и мы присоединились к ним. Другой скетч был неразборчив для нас на слух, но дети искренне ему обрадовались. Они оценили наши аплодисменты. Когда я посоветовал учителю английского петь на уроках песни, он сказал, что никто не знает ни одной. Тогда я сказал, что попрошу моих дочерей записать несколько песен и пришлю их ему. Эта идея была встречена очень тепло, и когда мы позже вернулись в офис директора, и мое предложение было переведено директору и, наверное, дюжине учителей, сидящих вокруг, все они отозвались на него с большим энтузиазмом и восторженными восклицаниями. Очень трудно сохранить наш параноидный настрой в такой ситуации. Я не могу поверить, что такое радушие и интерес, которые выказывали в той школе, были только попыткой пустить нам пыль в глаза. Это были высокообразованные, приятные молодые учителя, которые работали с тремя или четырьмя сотнями узбекских детей с большим энтузиазмом, радушно встретили наш жест дружбы и надежды на мир. Перед тем как мы ушли, несколько детей прошли парадным шагом с большими букетами великолепных роз из их собственных садов. Когда мы уходили, мальчишки с фотоаппаратами начали фотографировать, и мы тоже сфотографировали их и других членов школы.

Посещение педагогического института было неудачным. В институте было не-

сколько тысяч студентов, и по всей Узбекской республике немногим больше тысячи учителей выпускаются из подобных институтов каждый год. Согласно Ральфу Тайлеру, это сопоставимо с подготовкой учителей в Калифорнии, которая имеет примерно такую же численность населения. В учебном плане особое значение придается становлению личности, а также делается акцент на теоретические знания и на практику. Мы попросили посмотреть психологическую лабораторию, где, как нам сказали, находится настоящее сокровище – музей «медных духовых инструментов», в котором профессор Иванов проводит свои занятия. Там находился эргограф, ручной динамометр, барабан для запоминания, аппарат для измерения времени реакции с хронометром Гиппа и прочее, и все в идеальном состоянии. В одном из дальних углов комнаты мужчина, который, как оказалось, был техником, неуверенно рассматривал паяльник и другие инструменты, лежащие вокруг него. Все выглядело так, будто нам пускают пыль в глаза. Я сомневаюсь, что это оборудование привлекало чье-то внимание на протяжении нескольких лет. Не было никаких следов его применения.

В этот день в Ташкенте в фойе отеля к Джесси Миллеру и Еве подошел молодой человек 21 года. Его мать преподавала в местной школе. Он говорил на прекрасном английском и имел большой словарный запас. Он изучал языки и говорил на французском также хорошо, как на английском, и планировал специализироваться на восточных языках. Он предложил Еве встретиться на следующее утро и показать ей город. Он сказал, что предпочитает встретиться на улице, потому что местные люди неодобительно относятся к тому, что русские люди появляются в этом отеле. На следующее утро он был у отеля до того, как появилась Ева, и подошел к Барбаре, спросив, является ли она другом Евы Скиннер.

До того как появилась Ева, Юрий отвел его в сторону и говорил с ним достаточно долго, очевидно, предостерегая его от дальнейших контактов с девушками. Он принес подарки – три книги на английском. Новый знакомый свозил Еву, Барбару и Пегги на трамвае на старый базар, а затем в главный торговый район и помог им с покупками. Когда они спросили, могут ли они пользоваться фотоаппаратом, он ответил: «Конеч-

но». Позже, когда они смотрели на бедную часть старого города, он предлагал им делать фотографии, говоря, что это даст им верное представление о жизни в давние времена. Он слышал мое выступление по телевизору. Он много говорил об отношениях между узбеками и русскими, заявляя, что последние смотрят на узбеков свысока и считают их легкоуправляемым и недалеким народом. Он объяснял безнаказанное совершение мелких правонарушений узбеками тем, что в полиции работают тоже узбеки. Например, старик, который сидит на базаре и продает круги домашнего сыра и яйца. Это незаконно, но полицейские ходят мимо и ничего не делают. (Второй раз я увидел нищего в Ташкенте, он сидел у стены с протянутой рукой, в которой было несколько монет.)

Молодой русский очень интересовался Соединенными Штатами и задавал много вопросов. Он был первым, кто спросил Еву об отношении американцев к чернокожим (the Negro). И еще он спросил, видели ли мы когда-нибудь своими глазами Ку-клукс-клан. Когда Ева ответила, что ни она, ни кто-либо из нас никогда не имел контактов с этой организацией, он сказал, что не удивлен и что он подозревал, что вокруг этой организации уж слишком много шума и выдумок. Это не совсем так, ведь почти нет сомнения в реальном существовании клана. Ева объяснила, что мы северные либералы и что наши друзья тоже, и что не все американцы относятся к чернокожим так же, как к ним относятся на юге. Он согласился с этим и сказал, что был уверен в том, что все официальные сообщения на эту тему слишком преувеличены. Он купил Еве напиток из лесных ягод, который был очень вкусным, но, возможно, не таким уж безвредным. Год назад он подружился с американским студентом из Беркли, который приехал в Ташкент. С тех пор они переписывались. Он хотел отправить в подарок сестре своего друга шелковую материю, и спросил Еву, может ли он передать свой подарок с ней. Он сказал, что он весит немного. Объяснил, что отправление по почте в Соединенные Штаты чего-то более тяжелого, чем книги и фотографии занимает из-за бюрократической волокиты целый день. Он предложил Еве прислать ей записи, которые она не смогла купить, и сказал, что она может оплатить долг, отправив ему американские джазовые

записи. Вечером того же дня мы уезжали из Ташкента в Самарканд, и они с Евой договорились, что он придет в отель до нашего возвращения и отдаст ей шелк.

Когда, возвратившись в отель, они пытались как-нибудь договориться о возможности оставить шелк в Интуристе, Юрий запретил ему разговаривать с работниками Интуристовского бюро, взял его за руку, вывел из отеля и прочитал ему длинную лекцию. Мы вернулись из Самарканда на следующий день на час позже, чем планировали, но молодой человек не ждал нас. Все три девушки поочередно оборачивались, ища его глазами в толпе, но он больше не появлялся. Барбара спросила у стойки бюро, не было ли оставлено для нас каких-либо пакетов. Ничего не было.

Вечером мы улетали из Ташкента на очень старом самолете (пилот ждал на взлетно-посадочной полосе благоприятного ветра, чтобы взлететь), а приземлились мы на грунтовой посадочной площадке Самарканда. Мы ехали в очень маленьком автобусе по ужаснейшим дорогам к нашему отелю, который назывался «Самарканд». Он был простой, но не такой плохой, как мы боялись. Наша комната была маленькая, в ней было полно мух, также там были две железные кровати, похожие на гамаки. Ванная комната грязная, и сантехника явно нуждалась в ремонте. Мы делили с соседней комнатой одну грязную душевую. Вместо туалетной бумаги лежали газеты. На письменном столе находилась липучка для мух. Здесь также был столовый сервиз, но нам не хотелось есть в такой комнате. Одного из членов нашей группы беспокоили постельные клопы. Мы пообедали в шумной, грязной, неприятной столовой, где была невкусная еда и где нам пришлось слушать ужасный оркестр. Мы заказали десять бутылок пива и успели открыть их все, прежде чем обнаружили, что это пиво пить невозможно. Но мы превратили катастрофу в доброе дело и подарили все десять бутылок оркестру, внося этим свой вклад в дальнейшее ухудшение их игры.

Замечательный симфонический концерт в Ленинграде и любовь молодежи к хорошей музыке должны цениться еще больше на фоне совершенно ужасной ресторанной музыки, с которой нам пришлось тут познакомиться. Конечно, мы были в Интуристских отелях, и у русских могло сложиться

впечатление, что это именно то, что нужно американцам. Неизменно большой оркестр играет очень громко на протяжении всего вечера. Разговаривать просто невозможно. Обычно в оркестре два или три больших аккордеона, часто труба, всегда несколько барабанов, а здесь, в «Самарканде», еще и певец с микрофоном и мощным усилителем. Они обычно играют американскую музыку, которую часто очень трудно узнать, а также свою родную музыку этого жанра. Как говорит Ева, у них нет верного представления о «фоновой» музыке.

На следующее утро мы охотно простили отелю все его неудобства, так как экскурсия была невероятно прекрасной. В Самарканде, столице Тамерлана, до сих пор находится много прекрасных мавзолеев и мечетей. В первую очередь мы посетили обсерваторию, построенную либеральным правителем, внуком, как мне хочется верить, Тамерлана, которого интересовала астрономия. Здание в 35 футов высотой имело отверстие в крыше, через которое проникали солнечные лучи и отражались от широкой мраморной дуги в нижней части здания. Здание вскоре было разрушено (правитель был «слишком» либеральным), но в ходе раскопок дуга была извлечена из-под земли, и сейчас мы можем пройти вдоль нее. По мрамору вырезаны желобки, в которых находились металлические бегунки, по которым двигалась тележка. Также вырезаны знаки зодиака. С помощью этого оборудования астрономы могли высчитывать длительность года с поразительной точностью.

Мы посетили ряд мавзолеев, находящихся вдоль старинной улицы, которая поднимается к холму. Все они были возведены различными правителями в честь военачальников-победителей, любимых племянниц и так далее. Большинство зданий из голубой черепицы различных оттенков с колоннами из керамики. Внутри каждого имеются искусно выполненные конструкции с нишами. Некоторые из мавзолеев сейчас реконструируются. Правительство тщательно восстанавливает достояние эпохи Тамерлана. Это является частью программы по охране и восстановлению исторических памятников. К мусульманской религии относятся так же, как к царской России: с тщательностью восстанавливается ее великолепное наследие, но полностью отрицается религия. Мы посетили одну из двух дей-

ствующих мечетей, здание которой нуждается в реконструкции, напротив нее находится маленький минарет, с которого до сих пор призывают к молитве. Напротив этой мечети также находится маленький пруд с мутной водой, диаметр которого около пятидесяти футов. Пока мы были там, двое детей пришли к пруду и наполнили ведра и чайники водой из пруда, которая, я полагаю, будет использоваться для хозяйственных нужд. Очень старый мусульманин читал молитвы на камне, когда мы проходили во внутренний двор, а еще один читал Коран внутри мечети. Появился третий, который был при исполнении своих обязанностей. Нам говорили, что по пятницам в мечети может быть около ста мусульман. Если это правда, то получается, что в городе с населением в 200 тысяч живут 200 верующих мусульман. Еще двое мусульман сидели на земле и играли в какую-то игру.

Самые большие строения в Самарканде – это мусульманские монастыри с высокими минаретами, построенные в свободном стиле. Минареты слегка подпираются, что предохраняет их от падения. Правительство сохранило один из минаретов в вертикальном положении, водворив его на прежнее место, подняв и поставив под него новое основание. (Он весит 800 тонн.) Второй сейчас удерживается канатами, которые необходимо подтягивать раз в месяц. Под него будет поставлен новый фундамент. Мы видели, как делается из глины черепица для реконструкции (обжигается, покрывается и еще раз обжигается). Мы также видели много рабочих, реконструирующих здания. Казалось, не делается никаких попыток отличить оригинал от реконструкции. Основная цель – это восстановление достояния ранней мусульманской империи как национального исторического памятника.

Я начал фотографировать группу детей. Они все убежали, кроме одной девочки. Затем я спросил ее о том, могу ли я ее сфотографировать. Когда остальные дети увидели, в чем было дело, они все прибежали обратно и выстроились в линию.

Мы также посетили остатки великой мечети Тамерлана. Кроме высокой арки мало что осталось после землетрясения, которое еще больше разрушило здание. Этот памятник разрушают также и атмосферные явления. Одна сторона арки искривилась и некоторые ее части упали. За две недели до этого

упала большая часть, и нам разрешили унести на память несколько черепиц от арки. Нам бы разрешили взять немного черепичного покрытия с резным узором, но оно казалось достаточно тяжелым для нашего багажа, и его перевозка могла бы стать проблемой.

Ночью несколько мусульман разговаривали за окном и не давали мне заснуть. Я проснулся ровно в шесть, когда группа советских солдат маршировала и пела красивую русскую песню. Это пограничный город, и здесь, конечно, много солдат. Когда группа прошла, как позже заметил Фрэнк Палмер, началось типичное раннее утро, когда солдаты собираются на строевые учения. Все начинается с красивого марша сержанта, затем присоединяются еще несколько человек, и заканчивается все шумным топотом, где вообще нет и намека на марш.

В Самарканде есть парки и обычные статуи, фонтаны, возле которых всегда народ. В очень хорошем магазине мы купили подарки, включая голубую с позолотой и серебром рюмку для водки, несколько серебряных ложечек, несколько золотых вилок. На базаре я чуть не купил рубашку из белого шелка, которая стоила бы всего 1 доллар и 12 центов. Я решил не тратить деньги, но позже обнаружил, что наш интуристский гид купил ее для себя. После долларов цены в рублях кажутся высокими, но при правильном подсчете все встает на свое место. Государство умело регулирует цены в свою пользу. Все необходимое дешево. За жилье платят не больше $\frac{1}{10}$ дохода, простая еда, простая одежда, транспорт – все дешево и субсидируется государством. Если бы иностранцам, приезжающим в Россию, было разрешено обменять доллары по равному курсу, они бы выиграли от того, что основные виды услуг субсидируются. Единственный выход – понизить курс валют так, чтобы для иностранцев обмен был невыгодным. Мы покупаем жетон на метро за пять центов, для русских он стоит всего около двух центов. Конечно, дорогая одежда, деликатесы, антикварные вещи и такие вещи, как автомобили, недоступны людям среднего достатка в России. При переводе на доллары это все дорого и не стоит того, чтобы покупать. Но все же есть некоторые вещи, которые мы бы хотели привезти в подарок, в качестве сувениров. (Данная ситуация

схожа с ситуацией с государственными колледжами в Соединенных Штатах поколение назад, когда иностранцы наслаждались преимуществами образования, субсидируемого государством.)

Понедельник. Утро. 22 мая. Тбилиси. До сегодняшнего вечера я считал, что все русские туалеты протекают по своей природе. Я мог представить себе миллионы резиновых прокладок, которые идут с завода бракованными. Я хотел попробовать починить туалет и обнаружил, что наш туалет имел другой дефект. Часть фаянсового сливного бачка откололась и после его наполнения вода беспрепятственно переливалась через край. Я проверю остальные туалеты в Советском Союзе, которые увижу. Видимо, есть некий фетиш, связанный с текущей водой. Количество воды, которая проходит через один туалет в год огромно. А если умножить это количество воды на число туалетов в городе этого засушливого региона, можно представить себе цену, которую русские платят за этот фетиш. В уборной одного из самолетов, на котором мы летели, была очень мелкая раковина. Нужно было сначала нажать ногой на педаль, чтобы холодная вода полилась на руки, при этом вода не собиралась внизу.

Наша ванная – яркий пример для сравнения роскоши древних времен с современной небрежностью. На 6 футов вверх стены покрыты мраморными плитами, каждая в дюйм толщиной. Ванна, довольно высокая, с открытой стороны окружена мраморными блоками по меньшей мере трехдюймовой толщины. Мрамор был надлежащим образом расколот, для того чтобы могли пропустить трубы, и плохо замазан штукатуркой. Кафельный пол неровный, грубо обрамлен цементом.

Еще одна особенность Тбилиси, которая делает его еще более западным городом, чем даже Москва и Ленинград, – это то, как прохожие смотрят на тебя на улице. В Москве, в Ленинграде, везде в Советском Союзе люди смотрят сначала тебе в лицо, затем быстро опускают глаза вниз. В Москве и Ленинграде мужчины стараются не смотреть на женщин, так же как и женщины на мужчин. В Тбилиси люди, совсем как в Западной Европе, пристально смотрят на тебя.

Прошлой ночью я боролся с непогодой. Наша комната имеет пять больших окон во

французском стиле, которые выходят на площадь. Они были столько раз перекрашены, что защелки не работали. Поднялся сильный ветер. Ветром открыло два окна, и я не мог их закрыть. Я пытался сделать это с помощью полотенец, которые просовывал под окна, давил со всей силы, но они опять открывались. В ресторане на холме (куда прошлой ночью Ева поднималась на фуникулере) сильным ветром раскрыло окна, и стекла разбились. Такой шторм случился неожиданно, но мне интересно, как с этими окнами поступают зимой.

Цены на водку в Самарканде были очень высокие, почти пять долларов за обыкновенную бутылку. Здесь, в Тбилиси, водка стоила около 2 долларов и 75 центов, а в Ленинграде, насколько я помню, полтора доллара. Это может отражать предубеждение мусульман к пьянству в Самарканде. Или, возможно, это экономическая манипуляция по искоренению пьянства в тех местах, где оно является проблемой. Во всем остальном цены везде были одинаковые

Вчера во время обеда Юрий заказал несколько бутылок шампанского, и когда мы наполнили бокалы, он объявил, что Кеннеди и Хрущев встретятся в Вене в начале июня, и предложил тост за то, чтобы эта их встреча принесла много хорошего. Мы все встали и выпили по русскому обычаю.

В общем, Юрий продолжал не совсем корректно обходиться с русскими ради своих американцев. Нам это не нравилось, но было невозможно ничего с этим поделать. Прошлым вечером, когда мы ждали фуникулер, чтобы спуститься из ресторана, перед нами стояли еще две пары. Один мужчина ненадолго отошел в сторону, а когда вернулся, Юрий не дал ему занять его место. Барбара и Ева пододвинулись к Юрию, а когда он отошел, мужчина встал на место Юрия рядом с ними. Так поступать некрасиво, но русские люди сами часто играют в эту игру. Когда они узнают туристов, они очень доброжелательны. Например, вчера мы были в большом детском парке, где бегал детский паровозик (водила его молодая девушка). Несколько человек из нашей группы были в нем, и, несмотря на протесты, мамы и их дети настояли на том, чтобы их посадить.

У русских ограниченное чувство юмора. Им совсем чужда ирония, и их очень легко обидеть тем, что делается как некая пародия

на антирусскую пропаганду. Как-то Ева критиковала Барбару за плохие привычки в дороге и за то, что Барбара взяла с собой только одежду из простого хлопка, которая была бы к лицу даже «примитивным русским». Юрий услышал ее слова, но совсем не понял того, что это был парафраз чего-то, что мы слышали, но с чем не согласились.

Лично мне Тбилиси показался некрасивым городом. Он напоминает мне промышленные и шахтерские города в Пенсильвании. Грязные здания на холмах, черный дым из труб, непримечательная архитектура. Но остальным в нашей группе город показался красивым.

Замечание: прибыв в Тбилиси, мы пошли в обычную интуристовскую комнату. Пока мы ждали, к нам подошли три женщины и спросили, не американцы ли мы и нет ли у нас знакомых в Детройте. Как оказалось, муж одной из них работал в Детройте. Где он работал, они точно не сказали. Он планировал вернуться через шесть месяцев и жить в Тбилиси. Кстати, сначала женщины спросили, не армяне ли мы.

Второстепенное наблюдение: моя теория о протекающих туалетах связана с тем, что земледельцы и кочевники могут считать стоячую воду опасной. У Анатолия Рапопорта другое мнение на этот счет. Оно связано с одним известным ученым, принадлежавшим к венгерской семье из высшего общества, у которого было много сложностей, когда он жил в квартире клуба одного факультета, потому что он отказывался смывать в туалете, считая, что это работа обслуживающего персонала. Согласно новой теории, после революции люди, знакомые с туалетами, продолжали не смывать за собой, прислуга была возмущена запахом и сломала туалеты так, чтобы они всегда слегка текли.

Мы ездили на экскурсию в древнюю христианскую церковь и в монастырь, которые находятся на приличном расстоянии от города. И церковь, и монастырь очень красивы. Рядом с церковью есть маленькая церквушка, построенная в четвертом веке. (Грузия была первой страной, официально принявшей христианство.) В большем здании церкви находятся иконы, перед которыми горят светильники. Церковь хотя и является «музеем», до сих пор используется Грузинской православной церковью. В церкви находится известное, хотя не

очень старое, изображение Христа. Когда смотришь на эту икону, создается впечатление, что он то открывает, то закрывает глаза. Ограда вокруг монастыря была возведена первыми христианами.

По возвращении в отель мы организовали вечеринку в честь дня рождения Анатолия, во время которой ему позвонили родные, находившиеся на расстоянии девяти тысяч миль от него. Служащие отеля организовали большой длинный стол, большой торт, чаши с клубникой и вишней, прекрасные закуски, шампанское, водку и прочее. Анатолий играл на пианино. Затем Боб Мертон снова пошел в ресторан на холме, где познакомился с четырьмя русскими инженерами. С помощью словаря, языка жестов и череды тостов они нашли общий язык.

Вечером нашего первого дня здесь, 21 мая, Ева поехала по канатной дороге с большей частью группы в отель на холме и планировала вернуться так же. Они не смогли поужинать на террасе из-за плохой погоды, а в самом ресторане как обычно была очень громкая музыка. Руководство отеля разрешило нашей группе остаться до двух часов, хотя отель обычно закрывался в двенадцать. Люди, обслуживающие фуникулер, тоже остались, чтобы после завершения вечера они могли вернуться вниз.

Тактика вытеснения, проводимая Интуристом, продолжается. Сегодня Ева и еще несколько человек поехали с интуристским гидом за мороженым. Сначала продавщица мороженого сказала, что в кафе мест нет, но после волшебного слова «интурист», произнесенного нашим гидом, места для нас сразу же появились. Это удобно для американцев, но ставит их в неудобное положение по отношению к местным жителям.

Есть намеки на нечестное поведение некоторых служащих отеля. Было два случая, когда в бутылке становилось меньше водки, пока нас не было. Однажды, когда мы уходили из отеля, мы сделали пометку на бутылке водки, а когда вернулись, то увидели, что порядочное количество водки было отлито.

Барбара и Ева позавтракали в ресторане на открытом воздухе. Когда к ним подошла официантка, она села рядом на свободный стул и выслушала их заказ. Она поступала так и с посетителями за другими столиками. Когда на столик пролили лимонад, офици-

антка ждала другую девушку, чтобы та вытерла его. Видимо, это не входило в ее обязанности. Пока они завтракали, к ним подошел мужчина и завязал разговор. Они сказали, что приехали сюда с делегацией, и что их мужья профессора. Он с гордостью сказал, что он шофер и водит машину.

Люди в Тбилиси особо интересовались открытыми сандалиями Евы, которые здесь называли «римские сандалии». Они часто не только привлекали внимание, но даже вызвали комментарии. Когда Ева ждала кого-то возле магазина, прохожие останавливались и смотрели на нее, пока она не ушла обратно в магазин, чтобы не чувствовать себя животным в зоопарке. В другой раз двое мужчин проходили мимо, и один из них, показав на ее обувь, высказал какое-то замечание, которое вызвало у них взрыв смеха.

В нашем отеле остановилась большая кубинская делегация. Там было около 35–40 человек, несколько очень темных африканцев, несколько испанцев, несколько более светлых людей. У некоторых девушек были странные прически, и они носили облегающие брюки. Они сильно подводили брови, носили большие сережки и ярко красились. Сегодня после полудня эта группа была снаружи отеля, окруженная большой толпой.

Ева поехала в местный музей, который гид описывал во всех деталях. В этом музее можно получить представление об истории, жизни и нравах Грузии в разное время. Там находится уменьшенная копия старинного грузинского дома, который сохранился до наших дней. Ева хотела посмотреть на него, и вся группа отправилась к этому домику. Рядом находился детский сад, возле которого играли дети. Боб Мертон начал фотографировать, и все дети, их было 15 или 16, встали в линию и улыбались. Старшие мальчики отошли, но воспитательница заставила их встать в линию, чтобы сфотографироваться.

Этим утром мы посетили педагогический институт, где, на наш взгляд, проводилась интересная работа. В этом институте была традиция исследований в области образования. С помощью оригинальных игрушек детсадовские дети могут изучать цвета, формы, размеры, очертания и пр. Игры обычно рассчитаны на двух, трех или четырех человек. В одной вертелся мячик, что-то

вроде колеса рулетки, и когда он, приблизившись к центру устройства, падал в отверстие, выбрасывался цветной флажок. Ребенок затем должен найти совпадающий с ним жетон и поместить его в центр устройства. Если я понял правильно, игра продолжается до тех пор, пока ребенок не соберет все знаки, исчерпывающие его коллекцию цветов. Также там были похожие игры для изучения форм предметов, очертаний и глублины.

После обеда большинство работающих членов нашей группы отправилось в Педагогическую академию, которая находилась в довольно красивом здании рядом с большим парком. Мы разделились на три группы и беседовали с местными жителями на темы, которые нас интересовали. У психологов не было хорошего переводчика, и встреча прошла для них не продуктивно. Тем не менее чувствовалась искренняя доброжелательность и дружелюбие. В других группах были экономисты, психиатры и антропологи. На стенах одной из аудиторий Академии висели одни из самых интересных картин, что я видел в России. В частности, была серия пастельных или меловых рисунков на черной бумаге, изображающих различных представителей негроидной расы. Таких картин мы прежде никогда не видели. Оказалось, они были кубинские и, я думаю, сделаны рукой одного художника.

Вечером мы отправились на ужасный балет, который назывался «Демон». Он был тщательно поставлен, было много сложных декораций и огней. В спектакле было больше пантомимы, чем танцев, и он основывался на мотивах старой поэмы. Я ушел после первого акта, но все остальные остались смотреть дальше. Выйдя из театра, я некоторое время гулял по людным улицам. Рассматривая толпу. Мужчины и женщины обычно прогуливались по двое или трое. Очень редко можно было увидеть одиноких мужчину или девушку, за исключением тех, кто явно спешил по делам. Я не заметил ничего, что можно было бы назвать флиртом. Кубинская группа вечером вернулась в ресторан, оживленная после их собственного представления. Это была группа, которая занималась танцами. Они ездили с представлениями по различным европейским городам. Они были под впечатлением от успешного выступления. Девушки все еще были ярко накрашены, как для концерта,

особенно одна. На ее губах – яркая помада, на веках – сине-зеленые тени, от уголков глаз к вискам карандашом были проведены две белые линии. Все это, с белками глаз и белыми зубами, производило впечатление пастельного рисунка на черной бумаге с белым мазками. Другие девушки были накрашены сходным образом. Костюмы девушек были откровенными, а в нескольких случаях довольно неряшливыми.

На следующее утро, 23 мая, у нас был специальный визит в Институт матери и ребенка. Несколько человек из группы заинтересовало название или им было интересно пойти. Анатолий попросил Еву присоединиться к компании для создания хорошего впечатления. Очень жаль, что мы пошли туда не все, потому что там было довольно необычно. В Институте работало много ученых, от биохимиков до социологов, и все они занимались проблемой бесплодия. В этом Институте проводилось много экспериментов над животными. Ученые приготовили хороший прием с едой и напитками. Всем членам группы дали копии древней грузинской поэмы, подписанные именем члена группы и хорошими пожеланиями.

Днем мы поехали в аэропорт, но несколько часов не могли улететь из-за плохих метеоусловий. Мы сидели, играли в карты, спали. В итоге, когда нам сказали, что легкий самолет не может лететь из-за сильного ветра, мы вернулись обратно в отель. Как оказалось, вечер был ясным, и я подозреваю, что просто были проблемы с пилотом или экипажем. В отеле у нас была вечеринка в комнате Юрия, после которой мы отправились спать, договорившись встать без четверти пять.

Я диктую это в Сочи, куда мы прибыли вскоре после полудня. Рано утром мы поехали в аэропорт, и нам сказали, что самолет в полном порядке. Это был старый двухмоторный самолет с неприятной грязной велюровой обивкой, в котором пахло животными. В уборной тоже было грязно. Перед взлетом нам пришлось некоторое время подождать из-за неблагоприятного ветра, и наконец мы взлетели. В конце пути мы летели на небольшой высоте вдоль морского побережья в курортной зоне. Это было очень красиво. Здесь намного больше пышной растительности, чем во Флориде или Калифорнии, видимо, потому, что тут она не требовала особого орошения. Здесь

росло много кипарисов, сильно отличавшихся от других растений. Здания высокие и многие из них, несомненно, были частными виллами, построенными в средиземноморском стиле. Интуристский отель, по всей видимости, был новый, большой и хорошо обставленный. Комната, в которой я сижу, с 12- или 15-футовым потолком и тремя большими окнами во французском стиле, которые можно было закрыть голубыми гардинами, скользящими по довольно тяжелым деревянным стержням с орнаментом. Одно из окон выходило на большую террасу, покрытую черепицей. Ей могут пользоваться только те, кто живет в этой комнате. Изысканно украшенный шкаф был предназначен для одежды. На полу был паркет, уложенный «елочкой». Кроме того, большое зеркало в плохом стиле раннего модерна, большой стол на одной ножке, два приставных столика, две кровати, богато инкрустированные ненужной работой по дереву, подставка для ног и большое мягкое кресло. Еще там было очень большое коротковолновое радио с большим списком радиостанций разных городов, но вилка не подходила ни к одной розетке. К сожалению, день был пасмурный и прохладный. Возможно, нам не удастся поплавать в Черном море и позагорать. По плану завтра днем мы должны лететь в Киев, последний город, который мы посетим в России.

Позже: вышло солнце, и какое-то время мы с удовольствием загорали. У нас фактически не было времени окунуться в море. Позднее приходил электрик, радио заработало, и вечером я поймал «Голос Америки» из Мюнхена. Мы впервые услышали о проблемах с активистами движения *Freedom Riders* в Алабаме²⁰. Это были первые заграничные новости за месяц. Затем мы поднялись на 2 тысячи футов в горы, и перед нами предстал замечательный вид. С одной стороны было море, а с другой – Кавказские горы. Все это освещало закатное солнце. Над долиной лежал туман, но снежные горные вершины и линия воды были прекрасны. На следующий день мы все утро работали, а затем в течение часа катались на лодке вдоль морского побережья. Линия побережья очень красива. Ева и я попробо-

вали *квас*. Это напиток, который делается из хлеба. Мы так и не смогли понять, используется ли в процессе его приготовления брожение. Мы заметили, что русские люди небрежно относятся к незначительным суммам денег. Дважды, когда мне сдавали сдачу или когда я платил за еду, а у меня было туго с деньгами, они совершенно их игнорировали. Мы купили только один стакан кваса, планируя выпить его вдвоем, но продавщица дала нам два за три копейки, что мы заплатили. Когда Ева и несколько ее друзей ехали на такси, счетчик перепрыгнул на 2 копейки как раз тогда, когда они уже приехали, но водитель потом сам поставил верные показатели счетчика. Мы постоянно неправильно оценивали ситуацию, общаясь с клерками. Например, когда мы пытались избавиться от талонов на еду, действующих в России. Кто-то сказал нам, что некоторые магазины принимают талоны вместо денег. Я зашел в магазин, заинтересовался довольно ценным предметом, а затем выложил талоны. В теории, чтобы совершить сделку, они должны были согласиться их взять. Но никто не хочет продавать в России. Поэтому у американцев плохое впечатление о русских магазинах. В большом универмаге было много товаров, которые хранились под прилавком, словно на складе. Здесь, казалось, ничего не делалось для привлечения покупателей.

В Сочи в автоматах, торгующих водой, были бумажные стаканчики, тогда как везде в Советском Союзе мы видели стеклянные. Возможно, это сделано из уважения к отдыхающим.

После обеда мы поехали в аэропорт, где сели в довольно необычный турбовинтовой самолет с четырьмя двигателями. Его крылья располагались очень высоко, а корпус самолета был самым большим из тех, которые я когда-либо видел. По три сиденья в каждом ряду с каждой стороны самолета были полупустыми. И потолок в самолете очень высокий. Разгон был отличным: мы взлетели за 17 секунд. Летели на высоте 7 тысяч метров со скоростью 600 километров в час. Похоже, герметизация в этом самолете была гораздо лучше, чем в других, на которых мы летали. Сиденья, как всегда, очень удобные. Так как не было нужды делать запланированную посадку, мы прилетели в Киев на два часа раньше, чем планировали. Это значило, что нас никто не

²⁰ В 1961 г. в Алабаме активисты движения *Freedom Riders* протестовали против сегрегации на автобусных маршрутах и были избиты толпой белых, пока полиция стояла в стороне.

встречал: ни делегация из киевской Академии, ни даже интуристский гид. Пришлось ждать около получаса. Аэропорт, не главный киевский аэропорт, являлся частью военной базы.

Я диктую это во время обеда в нашей комнате в киевской гостинице. Нормально пообедать в интуристской гостинице практически невозможно. Приходится ждать около получаса или даже больше, чтобы получить плохой обед, а оркестр играет громче некуда. В последний вечер мы сидели очень близко к оркестру, и мне даже пришлось заткнуть уши шариками, сделанными из бумажного носового платка. Хотя у нас оставалось еще много интуристских талонов, после этого мы решили обедать в наших комнатах.

Казалось, все магазины в России переполнены. Думается, что это отчасти связано с тем, что на улицах много прогуливающих людей. Этим утром в магазине около нашего отеля была очередь примерно из пятидесяти человек. Позже количество людей увеличилось до сотни. Юрий расспросил и узнал, что в магазин привезли свежего серебряного карася. Видимо, русские люди очень любят серебряного карася или им не важно, что приходится стоять в очереди. Мне кажется последнее. Они стоят и беседуют. Это, видимо, такой способ проведения свободного времени. Ева осведомилась у интуристского гида, как долго обычно люди стоят в очереди здесь, и ей ответили, что около пяти минут. Она затем предположила, что они пойдут куда-нибудь выпить чашечку кофе. Но гид удивился и повторил, что они будут стоять в очереди только пять минут. Этот случай также может объяснить, почему русские охотно пропускают американцев вперед в очереди. Таким образом, получается, что для них стоять в очереди – такое же приятное времяпрепровождение, как, например, прогулка по улице.

Мы видели современную обстановку только в закусочных или маленьких рестораниках. Такой есть в Тбилиси и один здесь, в Киеве, куда часто ходят Ева и еще несколько человек. Стулья были из оранжевой, голубой, желтой и черной пластмассы, некоторые в полоску. Потолок с пластиковыми яркими встроенными лампочками вместо люстр. Окна стеклянные от потолка до пола. Геометрической формы столики тоже пластмассовые. В Киеве к нам обоим

подходили мальчишки и просили жевательную резинку, карандаши и ручки: мне ничего не предложили взамен, но Еве предложили марки.

Этим утром Джим Миллер, Рэй Вагнер и я ездили в Институт физиологии, где нас познакомили со структурой института и его работой. Между прочим, я был поражен названиями институтов – Институт Бехтерева, Институт Сеченова, Институт Павлова и т. д. Мое первое впечатление состояло в том, что таким образом они рекламируют своих ученых. С другой стороны, подобные институты в Америке называют в честь тех, кто давал на них деньги. И мне кажется, что в отдаленной перспективе важнее, когда институты называются в честь тех, кто сделал интеллектуальный или научный вклад.

Институт довольно сложно устроен. В нем много отделений, но они лишь опосредованно связаны с медициной. Здесь идет работа, развивающая идеи Павлова, но мы не вдавались в детали. Перед нашим уходом, а у нас было мало времени, нам показали очень оригинальный аппарат, с помощью которого испытываемому демонстрируют различные формы или слова с заданной частотой. В соответствии с категорией фигуры или слова испытываемый должен нажимать один или два ключа или ничего не нажимать. Они изучают скорость, с которой человек может называть категории. Запись идет на 35-миллиметровую пленку – довольно дорогой материал, но она может управляться тем же зубчатым механизмом, что и пленка, на которой запечатлены слова и фигуры. У русских хорошие устройства для проецирования фигур, аналогичные нашим ручным проекторам для 35-миллиметровой пленки.

В институте физиологии у профессора Костюка есть группа людей, которая специализируется на разработке техник обучения мышлению, используя в качестве предмета изучения компьютерные модели (machine design), математику и грамматику. Они сравнивали эффект демонстрации ученику того, как нужно что-то делать, с тем, что ему позволяет выяснить самому, используя легкие подсказки и другие указания. Демонстрация дает немедленный результат, но в итоге менее прямые методы способствуют лучшему выполнению (более того, хорошего уровня исполнения не достичь иным способом) и запоминанию.

Дополнение: вопреки распространенному мнению, что русские легко учат другие языки, мы не встретили много людей, которые бы понимали английский, французский или немецкий. Изредка некоторые понимали пару слов по-немецки. Я не встретил почти никого, кто бы знал французский, кроме Леонтьева и Костюка, которые хорошо на нем говорили. Обыкновенные люди не знали английского, французского и немецкого даже на элементарном уровне. Даже служащие интуристских отелей знали эти языки очень плохо. Интуристские гиды иногда хорошо говорили на иностранных языках. Девушка, которая сегодня была у нас гидом, переводила очень хорошо, а мужчина из Сочи заучивал текст экскурсий наизусть. Но Мертон познакомился с девушкой, которая говорила на отличном английском с американским акцентом, хотя и утверждала, что никогда не была за границей. (Возможно, она жила в Америке, но не хотела об этом рассказывать. Это было больше похоже на правду, чем то, что она в совершенстве выучила английский в России.) Известный гарвардский лингвист, родом из России, с трудом говорит на понятном английском, хотя специализировался в лингвистике всю свою жизнь. Русские друзья, которые жили в Америке много лет, до сих пор говорят с сильным акцентом.

Субботний вечер, 27 мая. Я только что закончил свою лекцию перед большой аудиторией. И первый вопрос после нее – могу ли я обучить творческому мышлению с помощью машин?

Позже вечером мы поехали в цирк. Это было отдельное здание с большой ареной, которое вмещало две тысячи человек. Представление давала цирковая труппа из Чехословакии. В нем, как обычно, участвовали акробаты, воздушные гимнасты, было несколько номеров с животными. Там было восемь белых медведей, четыре пони, две шимпанзе, четыре зебры и пять слонов. Воздушные гимнасты выступали без страховки, хотя Анатолий утверждал, что это запрещено в России. Клоуны были очень веселые и не отличались садистским юмором. Входы и выходы располагались по всем сторонам здания, что очень разумно. Пальто можно было очень быстро получить в длинной раздевалке. Это заставило нас снова задуматься о том, почему так долго приходится ждать ужина. Очевидно, это

связано не с неэффективностью, а с предпочтениями. Русские, обедающие в ресторане, ничего не имели против того, чтобы провести там два или три часа, особенно если группа громко играет американский джаз. После цирка мы пригласили Палмера зайти в наш номер и заказали ужин, который был подан довольно быстро. Еда оказалась очень вкусной, и мы провели приятный вечер, заказав на оставшиеся талоны алкогольные напитки.

На следующее утро два человека из нашей группы отправились на раннюю утреннюю прогулку и присоединились к толпе людей, которая явно кого-то ждала. Как оказалось, Хрущёв приехал сюда на два или три дня, прежде чем отправиться в Вену на встречу с Кеннеди. (Ева сейчас поняла, почему шофер, которого она встретила вчера, пытался с ней поговорить. Он хотел сказать, что Хрущёв будет в городе.) Он ехал без всякой вооруженной охраны на открытой машине, перед и после которой следовали другие машины. Толпа расступилась, чтобы машины могли проехать. Они ехали в двух или трех футах от очевидцев. Люди стояли тихо, не было никаких восклицаний, но когда Хрущев кивал людям, они улыбались в ответ.

На следующее утро (28 мая) у нас было двухчасовое совещание с Юрием, на котором мы услышали мнение Юрия о русском образовании. После обеда поехали осматривать достопримечательности города. Сначала мы зашли в магазин, где купили украинские народные рубашки, украшенные вышивкой. Мы купили украинские блузки для девушек и полосы узорчатой ткани, которые, надеюсь, я смогу использовать в качестве занавесок в моих исследованиях. Посетили красивый древний кафедральный собор, который является частью советской системы музеев. Видели большую статую Святого Владимира, который известен тем, что насильно крестил украинцев. Он держит большой крест, очень заметный на горном склоне. Очевидно, Советский Союз несколько не боится религиозной контрреволюции и хочет оставить эти памятники как некие диковины. Наша замечательная интуристская проводница, которая, возможно, выросла исключительно в советское время, рассказала нам немного о мозаике кафедрального собора и назвала одно из изображений «Божья матерь».

Джим и Джесси Миллер посетили этот же парк прошлой ночью около часа. На скамейках сидело много обнимающихся парочек. В час ночи выключили все фонари, парочки сразу отправились к автобусной остановке и, вероятно, поехали по домам. Прошлым вечером в цирке не было и намека на секс. Единственный сомнительный с моральной точки зрения номер был у клоуна, который нес чемодан, из которого что-то капало. Два других клоуна кричали «водка, коньяк» и прочее, ловили капли и пробовали их. Потом первый клоун открыл чемодан, и из него выпрыгнула маленькая собачка. Для аудитории это был большой сюрприз, и я увидел несколько весьма смущенных улыбок.

Воскресенье, 28 мая. Через полчаса мы должны ехать на вечерний прием, организованный местными психологами, а рано утром отправляемся в Прагу. Киев очень красивый город. Сорок процентов города было разрушено во время войны, но город отстроен заново, и есть новые большие участки, на которых ведется строительство. Один из них, на той стороне Днепра, будет связан с остальным городом метро, а часть его будет некой Венецией Востока с многоквартирными домами на каналах. Линия горизонта, как и в Москве, усеяна кранами и новыми многоквартирными домами. Наша переводчица сказала, что вскоре после завершения этой семилетки каждая семья в Киеве будет иметь собственную квартиру. Всего потребуется девять лет. Заметно, что интуристские гиды – очень верные последователи партийной линии, и их комментарии часто до смешного наивны. Кажется, гид совершенно ничего не знает о том, что было во время восстания в Конго, но Патрис Лумумба для нее настоящий герой. Несмотря на предостережения, которые нам давали перед отъездом в Россию, здесь мало интересуются Америкой, особенно официальные лица, такие как интуристские гиды. Но американская одежда действительно привлекает внимание. Ева носит маленькую черную шляпку. Она время от времени опускала вуаль, и это неизменно привлекало внимание. Ее обворожительный браслет всегда вызывал разнообразные вопросы, а обувь была объектом пристального внимания.

Когда мы уезжали, у нас были проблемы с обменом рублей и талонов. Мы спросили нашего гида от Академии Юрия, что будет,

если мы поедем за границу с большим количеством рублей. Могут ли их конфисковать? Он сказал, что нам разрешат купить вещи в аэропорту. Но мы видели в аэропортах лишь ужасные сувениры, кроме того, в аэропорт мы приедем в пять утра, и магазины еще будут закрыты.

Киевские мальчишки только начинают осознавать возможность того, что можно менять всякую мелочь на жевательную резинку, карандаши и шариковые ручки. Им было не просто подходить к нам, а в их манерах не было мастерства или очарования.

Понедельник, 29 мая. Как оказалось, весь этот день мы проведем в пути. Рано утром мы улетели из Киева на чешском самолете. Это был медленный двухмоторный самолет, и он совершил промежуточную посадку, во время которой мы получили отметки о том, что официально покидаем территорию Советского Союза. Мы приземлились в Братиславе, и нам сказали, что придется какое-то время подождать, потому что в Праге плохие метеоусловия. К счастью, в Братиславе были таможенные власти, и часть нашего ожидания заняло прохождение чехословацкой таможни. После того как рейс еще несколько раз откладывали, нас отвезли в Братиславу и накормили очень вкусным обедом. Это был один из самых приятных обедов на протяжении всего нашего путешествия. Когда наш рейс в очередной раз был отложен, мы начали обсуждать, не стоит ли нам ехать на поезде в Прагу или, что касается меня, в Вену. Однако погодные условия в Праге улучшились, и мы улетели. У себя в отеле мы были примерно в четверть шестого. Нас встретил д-р Хорват²¹, который был в моей лаборатории в Соединенных Штатах, а также несколько других членов психологического сообщества в Праге. Нас с Анатолием попросили прочитать лекцию, которая начиналась в шесть часов. И хотя мы смертельно устали после такого дня (учитывая двухчасовую разницу во времени, получается, что мы встали в два часа ночи), мы охотно согласились. После того, как мы быстро привели себя в порядок, нас отвезли в большой зал-амфитеатр

²¹ Милан Хорват (р. 1921) – д-р естественных наук, Карлов университет в Праге. Имеет степень Ph.D. (медицинская физиология). Был старшим научным сотрудником Национального института общественного здоровья в Праге.

больницы, где Анатолий час читал лекцию на русском, а я читал лекцию на английском об оперантном поведении и обучающих машинах. Наши лекции вызвали большой интерес, по сути более современный интерес, нежели в Советском Союзе. После ужина в отеле (на который мы с Евой не пошли, потому что очень устали), некоторые из нас отправились на короткий прием в дом доктора Хорвата. Между домами Хорвата и Лурии был разительный контраст, как, впрочем, между Прагой и русскими городами. Здесь было много частных автомобилей, а в магазинах, похоже, товаров было больше и их качество выше, чем в России. Например, в одном магазине мы видели пылесосы двух видов, витрины украшены, чтобы привлечь покупателей. Контраст также виден на примере нашего отеля, в котором очень комфортные коктейльный бар и ресторан, в котором комнаты гораздо более роскошны, и где ваннные комнаты устроены точь-в-точь как на Западе (здесь даже были биде). Доктор Хорват, вне всяких сомнений, был ниже рангом, чем Лурия, как ученый, но несмотря на это Лурия жил в довольно жалкой неприглядной квартире из трех комнат, из которых только одна была пригодна для жилья, а Хорват жил в большом дуплексе²² с садом и большими железными воротами, к которому шла мощеная крупной галькой тропинка. Дом его был роскошно обставлен, комната, где мы ужинали, была просторная, обшитая панелями из дерева твердых пород, не ореховым или красным, но все же очень хорошим: его часто использовали в дорогой мебели поколение или два назад. Сначала мы подняли бокалы хорошего вина за мир и дружбу, потом пошли в столовую пить турецкий кофе с замечательными пирожными.

В отель мы вернулись усталые, но этим утром, 30 мая, проснулись рано. 30 мая. Ева и я вышли на раннюю прогулку. Мы смотрели на витрины и наблюдали утреннее оживление на улицах, которые просыпаются, когда еще нет и шести. Магазины в Киеве открываются и закрываются раньше на два часа, чем в Москве. Похоже, в Праге даже более ранний режим работы. В шесть часов уже работают все троллейбусы, а ули-

цы быстро заполняются людьми. Некоторые рестораны начинали открываться, хотя магазины, конечно, все еще были закрыты.

Вторник, 30 мая. Анатолий и я приехали в аэропорт, где обнаружили, что наш рейс задерживается на час. Мы надеемся забронировать в Лондоне билеты получше, чтобы Анатолий мог лететь прямым рейсом в Детройт, а я – в Бостон.

(Анатолий и я были первыми, кто покинул группу. Остальные задержались в Праге, потом поехали в Варшаву, где среди прочего посетили лабораторию Конорского²³. Группа распалась в Берлине, отправившись в разные места по пути домой. Ева хотела остаться на несколько дней в Лондоне, но была так подавлена Западным Берлином, что полетела прямо домой.)

Перевод с английского

К. В. Кириленкова

М. В. Кругловой

О. В. Михалькова

Редактор перевода

А. А. Фёдоров

²² Дуплекс – разновидность коттеджа. Представляет собой жилой дом для проживания двух семей. Имеет два независимых входа, общую стену между квартирами.

²³ Ержи Конорски (1903–1973) – биолог и нейрофизиолог. Ученик И. П. Павлова. Занимался изучением условных рефлексов второго типа. Пионер в области изучения инструментального обусловливания. Был директором Института биологии им. Марчела Ненского в Варшаве, профессором Лодзинского университета. Член Национальной академии наук в Вашингтоне. Вместе с С. Миллером занимался изучением высшей нервной деятельности. Признан одним из главных исследователей в области теоретической нейробиологии.

B. F. Skinner

RUSSIA, 1961

B. F. Skinner's original introductory note on page 1 of the document

In May, 1961, a delegation of behavioral scientists visited Russia, Czechoslovakia, and Poland under sponsorship of the National Academy of Sciences and the State Department. The members were: Professor and Mrs. Donald G. Marquis, Professor Robert K. Merton, Professor and Mrs. James G. Miller, Professor and Mrs. George P. Murdock, Dr. and Mrs. Francis H. Palmer, Professor Anatol Rapoport, Dr. Henry W. Riecken, Professor and Mrs. B. F. Skinner, Dr. and Mrs. Ralph W. Tyler, Dr. Raymond W. Waggoner. The following comments were made whenever convenient on a portable dictating machine. My wife was often present as I dictated, and contributed details. A few changes have been made to put material in order, and in some cases forgetful repetitions have been deleted. Otherwise the record stands as made. It was prepared for purely personal reasons and contains trivialities, irrelevancies, first impressions subject to change, some pretty standard responses of new visitors to Russia, plus (it is hoped) a few fresh glimpses and reactions. It has been duplicated for limited circulation to members of the delegation and friends. Reproduction is not authorized¹⁹.

¹⁹ Published by authorization of the B. F. Skinner Foundation.